

18+

АНАТОЛИЙ ЛЕРНЕР

Город двух лун

ПЕРВАЯ КНИГА РОМАНА «ЗАВЕТ
НОВОГО ВРЕМЕНИ»

Лернер Анатолий

**Город двух лун. Первая книга
романа «Завет Нового времени»**

«Издательские решения»

Анатолий Л. И.

Город двух лун. Первая книга романа «Завет Нового времени» /
Л. И. Анатолий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749048-5

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Древние артефакты, обнаруженные в российской
глубинке, приводят героев романа к Мёртвому морю в Город двух лун, где
были созданы свитки, два тысячелетия скрывающие величайшие тайны
истории. На фоне рассказа о жизни ессеев, пронзительной нотой звучит
лирическая история их воспитанников — Йешуа и Ребекки. Любовь,
вражда, поиск несметных храмовых сокровищ, всё это не может оставить
равнодушным любого читателя. Книга «Город двух лун» стала лауреатом
премии «Литературное наследие» 2013 года.

ISBN 978-5-44-749048-5

© Анатолий Л. И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Ханитель Ашан	10
Мистические экскурсии по Кумрану	14
Скандальная история апостола	17
Михаил Левин. История свитков	20
Перед великим побоищем	24
Русская копия	28
Тюремный «продюсер»	31
О фарисеях в лазарете	38
Кумран. История свитков	42
Аркадий и внушка звонаря	48
Бубен и Кольт	52
Чужая игра	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Город двух лун
Первая книга романа
«Завет Нового времени»

Лернер Игоревич Анатолий

© Лернер Игоревич Анатолий, 2016

ISBN 978-5-4474-9048-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

...Им предстояло пролежать в пещерах и протомиться в кувшинах две тысячи лет, пока арабский подросток случайно не обнаружил то, что потом назовут «Свитками Мёртвого моря».

От метко брошенного камня кувшин рассыпался, издав подобие вздоха.

– Кто здесь?! – отпрянул от входа в пещеру пастух. В его руке сверкнул нож. Никого. Только со спины вопросительным знаком сгустилось зловещее тёмное облако, которое тут же поспешило смешаться с тенью. А у самого лаза, в робком луче солнца, подросток заметил, как сквозняк поспешно выдувает из пещеры дымок, и тот струится наружу и тут же исчезает. Подросток сунул нож в зубы, встал на четвереньки и скрылся в лазе.

Лёгкое присутствие дымка, замеченное пастухом в пещере, было ничто по сравнению с тем дымом и угаром, который производил обугленный человек, лежащий навзничь недалеко от входа. Истлевшая на нём одежда превратилась в лоскуты, и ветер содрал их, обнажив тело крепкого мужчины, которое дымилось и тлело под лучами солнца. В считанные мгновенья плоть истлела и просыпалась, а на согретых солнцем камнях остался скелет с большим крупным черепом, в котором не хватало лишь нескольких зубов. Лёгкий смерч, налетевший со стороны Мёртвого моря, смёл прах, и через мгновение с чудовищной силой обрушился на прибрежные камни. А когда смерч унёсся прочь, то на камнях обнаружился не голый скелет, а тело с мясом и мышцами. Казалось, сам Ангел Жизни Вечной творил чудеса, и вот уже в каменном котле, созданном природой, закипала грязь, и вода над ней пыхтела и рвалась наружу. Маслянистые пузырьки в радужных разводах толкались, лопались, собирались вместе и потом снова распадались на мелкие колонии пузырьков, чтобы снова попробовать соединиться в единый общий пузырь. И, когда им это наконец-то удалось, огромный пузырь оторвался от котла, качнулся и стал осторожно подниматься в воздух.

Он на мгновение завис, а после переместился в сторону тела. Остановившись над ним, точно примеряясь, пузырь неожиданно лопнул! Раскалённая сковорода камней зашипела, и на ней, как омлет, испекся завершённый образ мужчины, только, пока ещё, неживого.

Утреннюю тишину нарушил грохот проезжающего мимо пикапа военного патруля королевской пограничной службы Иордании.

Смерчи в этих краях не редкость. Порой они возникают на сопредельных территориях, колятся и куража вдоль границы, набирая в свой гигантский хобот и мусор, и скотину... На местах, где рассыпались смерчи, случалось обнаруживать и трупы людей, и покорёженную военную технику...

Вот и неслись пограничники туда, где смерч рассыпался, где могло оказаться всё, что угодно. В догадках они провели весь путь, а, приблизившись, обнаружили голого человека, которого смерч уложил на каменный стол.

Кто и почему начал пальбу, было неясно, только, когда непродолжительная стрельба прекратилась, и пороховой дым рассеялся, голого человека уже не было. Он исчез. Офицер в ярости пытался выяснить: кто начал стрельбу без приказа?

Но тщетно, солдаты молчали, робко поглядывая в сторону каменного стола, и переминались с ноги на ногу.

Офицер дал знак укрыться за пикапом, отправив солдата, чтобы тот разведал: что да как. Остальные засели за машиной, целясь в сторону каменного стола, на котором только что лежал неизвестный.

Солдат Абдель, деревенская шпана и сын охотника, сразу смекнул: здесь что-то не так. За камнями он обнаружил тело, изрешечённое пулями. Но вот что странно, крови нигде не было. Ни следа, ни капли. Были входные и выходные отверстия, но даже в них всё оставалось сухо. Тело было неживым.

Они стреляли в мумию? Но и на мумию это не походило. Скорее, смахивало на большую, подброшенную кем-то игрушку.

Неожиданно Абдель всей своей интуицией охотника почувствовал опасность. Чьи-то невидимые глаза пристально наблюдали за ним. Струйка пота пробежала от затылка через всю спину. Абдель рухнул на колени, обращаясь к Аллаху, но вдруг в ужасе вскочил и побежал, закричав нечеловеческим голосом. Чьи-то нервы не выдержали напряжения, и новый самовольный выстрел опрокинул на землю Абделя. Он свалился за каменный стол, прямиком на того, от которого в ужасе бежал. А голем, почуяв кровь всей своей иссушенной плотью, сомкнул объятья на охотнике.

...Когда за Абделем поднялись солдаты с носилками, он, совершенно обескровленный, лежал на груди трупа с несколькими свежими огнестрельными ранениями. Раненого отнесли в пикап, а тело голема сфотографировали, наскоро сняли отпечатки пальцев и оставили труп на съедение шакалам.

Но, когда пикап умчался, запылив дорогу, веки голема, изрядно повлажневшие от донорской крови, дрогнули. Голлем медленно перевернулся на камнях, встал и, не открывая глаз, с наслаждением вдохнул запах свежего ветра.

Свежим ветром и неизвестностью тысячелетий пахла его новая жизнь. Он вдыхал ветер ненасытно, неистово. Его живот раздулся, а сам он стал напоминать воздушный шар, который вот-вот оторвётся от земли. Новоявленный житель пустыни был всё ещё слеп. Он приложил ладони сначала к глазам, потом поднёс ко рту и лизнул, затем протянул их к небу и произнёс первое слово:

– Слёзы.

Утерев со щёк обильно пролившиеся первые в его новой жизни слёзы, он сказал:

– Больно.

И произнёс это слово так, словно перед ним стоял кто-то невидимый. Веки его усиленно дрожали, и вот, наконец, они разлепились и обнаружили два глаза с зелёными зрачками, с надеждой и страхом устремившиеся в окружающий их мир.

Ворвавшаяся в сознание реальность ужаснула, сильно смутив дух. Голем видел вокруг только пустыню из камней, а впереди, насколько различали глаза, до самого горизонта – ни души. Он ощутил себя единственным человеком во вселенной, абсолютно никем и ничем не защищённым в мире каменных руин. И ему стало страшно. Он почувствовал свою полную беззащитность.

Некогда живой и страстный мир превратился в безжизненную пустыню. На месте оазиса теперь торчали обглоданные ветром черепа каменных глыб, ещё живых, но как бы уже вычеркнутых из жизни. Их пустые глазницы чернели страхом неизвестности. Никого, только камни, руины и зеленоватые проплешины травы. И козы, которые усердно пережёвывают траву и фыркают, стоя над пустыми чашами бассейнов, расколотых по злой воле людей.

Он оглядел взором сложнейшую ирригационную систему, делавшую когда-то это место раем. Всё было порушено людьми и временем. Бог давно покинул здешние места, оставив после Себя разор. И Голем, кажется, помнил, когда всё произошло!

С маской отчаянья и ужаса оглянувшись он на пещеру.

– Свитки! – вспомнил он. И кинулся обратно, но, пробежав несколько шагов, остановился и присел на землю.

– Нет, я помню. Моя миссия хранителя завершена! Я не должен больше охранять свитки! Я сберёг, предъявил их к назначенному сроку, а теперь не хочу даже видеть того, в чьи руки они сейчас перейдут.

– Да, ревность! – соглашался он и протягивал к кому-то невидимому руку. – Кто бы он ни был, он мне никогда не понравится. Потому не смею ему мешать, и спешу поскорее исполнить все желания бывшего узника. И первое – оказаться как можно дальше от этого места.

Бывший хранитель отвернулся от пещеры. Он глядел в сторону Моря соли и наблюдал в себе борьбу двух желаний.

Одно было – броситься в пещеру, другое – уносить от неё ноги. Победило желание узника. Он выбрал свободу.

Но, едва хранитель бросился бежать в сторону Моря соли, как трижды споткнулся и упал. Это походило на умело подставленную подножку. Голем сел на каменистую землю, посмотрел в безоблачное небо и широко улыбнулся.

– Что ж, – согласился он с кем-то невидимым, – пойдём, посмотрим на того, кто овладеет этим сокровищем. Быть может, и нет никого вовсе? Может, это проделки коз, пасущихся неподалёку? Это верно, что в козах скрывается сатана?

Приближаясь к пещере, он перешёл на шёпот:

– Так или иначе, наши со свитками пути обязаны будут разойтись. Так почему не здесь? В этом самом месте, названном Перекрёстком судьбы. И всё же, я не могу себе представить жизнь без них. Особенно теперь. Я, конечно же, буду незаметно приглядывать за ними. Но мне уже становится тоскливо без них... Ангел Жизни Вечной! Ходящий пред Ангелами да научится воспарять превыше туч! – произнёс голем и вознёсся к небесам, и в них пропал. Точно унёс его тот самый Ангел Жизни Вечной. Но не прошло и мгновения, как хранителя вернули обратно, и он, вспомнивший обо всём, со всех ног кинулся к пещере. Он мчался к свиткам, в которых всё ещё существовал его мир. И был тот мир ещё живым и страстным, и в нём можно было ещё что-то изменить. Хотя бы в финале.

Едва хранитель добежал до входа и заглянул внутрь, как увидел, что рапира мощного солнечного луча дотянулась до одного из свитков. Кожа затлела, запузырилась, уступая огню, который породил невиданное сияние, переливающееся ярчайшими цветами в темноте пещеры. Хранитель, не раздумывая, бросился в лаз. Сразу же, у входа, он наткнулся на подростка, который в слезах и панике метался по пещере.

«Так это ему теперь принадлежит надежда детей Света?» – с ужасом подумал бывший узник-хранитель, глядя на ослепшего от сияния ребёнка, которому не дано защитить ни себя самого, ни разбежавшихся коз, ни подаренных судьбой сокровищ. С оглушительным грохотом один за другим лопались кувшины, обнажая пылающие огнём свитки. Не мигая, смотрел на них голем, и видел, как падали со свитков печати, и как раскручивалась, постреливая, кожа, обновляемая огнём. Пламя, точно малый щенок, лизнуло хранителя. Он не почувствовал боли, но инстинкт заставил его вжаться в стену пещеры, ибо там, где буквы свитка горели неопалимым огнём, теперь возникал огонь иного свойства. Он проистекал из недр земли, и это была вулканическая страсть, на пути которой внезапно оказался подросток.

Хранитель кинулся к мальчишке и успел оттолкнуть его в сторону. Тот упал и вжался в трясущуюся стену пещеры. А из глубин кратера уже брызгала во все стороны магма.казалось, что это сама память земли выплеснулась на стены пещеры двухтысячелетней проекцией библейских событий.

И стены её снова содрогались и ходили ходуном от забытого ужаса, и земля под нею, как когда-то давно, стонала от боли...

Напуганный до смерти козопас открыл заплаканные глаза лишь тогда, когда наступила привычная для уха тишина. Зрение к нему вернулось почти сразу, и он внимательно шарил взглядом по пещере, всё ещё освещённой быстро передвигающимся лучом солнца. Ничего, что напоминало бы следы извержения вулкана, огня или пламени. Он не нашёл ни уголька. Дымом даже не пахло. Осмелевший подросток, поигрывая ножом, воровато оглянулся и отрезал от одного свитка кусок кожи.

Он сунул его в рот и попробовал пожевать. Не понравилось. Сплюнул и засунул трофей в пастушью сумку.

Проводив обладателя куска свитка длинным взглядом, хранитель произнёс:

– Ангел Жизни Вечной, – сказал он, точно призывал ангела в свидетели, – свитки в руках варвара и людоеда! – Склонив покорно голову, хранитель добавил: – Ходящий пред Ангелами да научится воспарять превыше туч! – и в тот же миг вылетел из пещеры и исчез.

Ханитель Ашан

Не заладилось всё с самого начала. И хранитель носил это в сердце своём, как собственную вину. Судьба рукописей оказалась плачевной. Более пятидесяти лет они находились на исследовании – новом заточении, где содержащуюся в них суть, и вовсе постарались истребить.

Чёрные сутаны, возглавившие исследования, прибрали к рукам все нежелательные свидетельства этого «скандального казуса». Свитки умолкали, умирали, превращались в пыль в руках «коллекционеров» и «специалистов» от религии. И лишь борьба отдельных учёных с нежеланием науки влезать в дела религии привела к тому, что многие фотокопии были опубликованы, и тогда они заговорили наперебой. Свитки ессеев кричали о борьбе сил Света и Тьмы, оживляли хронику той борьбы, воскрешая чудовищные подробности подмены Знания религией. Но их по-прежнему никто не слышал. Кроме узкого круга специалистов, назначенных церковными сановниками.

В руки чёрных сутан попали не просто свитки ессеев, в их руках оказался приговор всем религиям мира! Свитки изобиловали опаснейшими для церкви свидетельствами. Среди прочего – никем не отредактированная история о том, какую роль в судьбе детей Света, давших миру Иисуса, сыграл будущий апостол Павел, основатель религии распятия.

Поспешив назвать ессеев «первыми христианами», чёрные сутаны немедленно предъявили права на их наследие и овладели свитками. За свидетельствами духовного величия ессеев, – «сектантов» и «ранних христиан», – имелись свидетельства их финансового могущества. Медный свиток из кумранского собрания подробнейшим образом сообщил отцам церкви о схронах, в которых были спрятаны сокровища из Храма Соломона.

Много лет Римская церковь охотилась за любым инакомыслием: отлучая, предавая анафеме, сжигая на кострах, отпуская грехи за произведённый контрольный выстрел. Ведь если ещё сами создатели христианства, по праву победителей, присвоили себе трактовку истории, её отдельных фактов, то и сегодняшние выкормыши чёрных сутан действуют так же. Они не стали изобретать ничего нового. На требования общественности предъявить находки следовали длительные отмазки. Эти недвусмысленные паузы прерывались неожиданно, когда учёные от церкви готовы были предоставить материалы, где истина уже с трудом проглядывала сквозь академически точную ложь мастерских интерпретаций. И лишь горстка избранных знала истинную цену собранию Кумрана. Для остальных подводная часть айсберга, по-прежнему оставалась сокрытой. Только сейчас она была обёрнута ещё и в чёрную сутану. Борьба сил Света и Тьмы продолжалась...

Сенсация захлебнулась. Обыватель теперь знал то, что ему положено было знать давно: что основная часть находок – это древнейшие иудейские тексты, а вторая часть собрания, значительно меньшая, относится к так называемым хроникам, где «секта первых христиан» описывала скучную внутреннюю жизнь еврейской общины.

Пережив восторг открытия, пресса так и не дождалась подробностей, постаравшись поскорей забыть о скользкой теме.

Скучно тянулись годы, в течение которых, псевдонаучные исследования закончились выработанным учёными «Консенсусом», согласно которому были свято соблюдены интересы церкви.

С тех пор к основной части рукописей, попавших в руки «Консенсуса», уже никто не допускался. Они почётно переехали в высокоразрядную тюрьму папства, где постепенно разрушались, превращаясь в прах.

В доме Вайехи светло и просторно. Утренний ветерок гуляет по богато обставленным комнатам. Дом кажется пустым, потому что спит многочисленная семья Вайехи. Спит и сам хозяин. И снится ему сладкий сон, будто утренней порою встречает он в своём доме «Честь Веры» – мудреца Юсуфа Ибн Айюба, Салах ад-Дина, – победителя крестоносцев.

Салах ад-Дин передал ключи от Храма Гроба Господня в руки рода Вайехи. И с тех пор Справедливейший и Мудрейший является их покровителем.

– Мудро ли я поступил, что вручил тебе ключи от храма неверных, Вайеха? – спрашивает Салах ад-Дин. И Вайеха отвечает с поклоном:

– Ты мудр и справедлив. С тех пор, как ты отдал ключи от храма неверных в руки достойных мусульман, – Вайеха снова поклонился, – а сам храм – православным, все христиане быстро нашли общий язык, поделив Голгофу на секторы.

Этот порядок поныне не изменялся. Да будет так до скончания веков.

– Амэн, – кивнул покровитель, и спросил: – Скажи, Вайеха, не встречал ли ты крестоносцев, смущающих умы правоверных и рыскающих в поисках сокровищ?

– О лучезарный Салах ад-Дин! Весь мир сошёл с ума. Все уподобились крестоносцам, мечтая о лёгкой и скорой наживе.

– Ты прав, Вайеха, – вздохнул лучезарный, – всё это, увы, так. Но я спрашиваю о крестоносцах из ордена Иоанна.

– О великий Юсуф Ибн Айюб, мудрейший Салах ад-Дин, – на этот раз Вайеха согнулся в поклоне до самого пола, – крестоносцев из ордена Иоанна уже давно никто не встречал.

– Никто не встречал, а ты, Вайеха, встретишь, – сказал гость, вставая с ковра, – встретишь, – повторил он, – и поможешь им сделать то, за чем они придут.

Победитель крестоносцев отвернулся и исчез.

– Нет! – вскричал Вайеха и... проснулся от невозможности заверить покровителя в том, что ордена Иоанна давно нет.

...И предстало перед ним утро, полное свежести, и Вайеха постарался забыть о сне. Он встал с кровати, обул тапки, и в нижней рубашке спустился в гостиную. Здесь он включил телевизор и ушёл на кухню готовить кофе. Пока закипала вода, он раскрыл морозильную камеру, достал из неё кусок мяса и вышел с ним во двор. Огромный пёс уже поджидал хозяйина, и тот лишь швырнул мясо в его сторону, после чего равнодушно захлопнул дверь. Пёс поймал обледенелый брусочек на лету. Его зубы раскрошили лёд, и на глазах выступили слёзы обиды. Но хозяин не видел собачьих слёз. Он снова был озабочен сном, снова возвратился к разговору с Салах ад-Дином. Машинально он заварил кофе, машинально собрал поднос, машинально понёс его в салон, где на низком диване напротив дорогого телевизора, плюющиеся новостями, сидел неожиданный гость.

Вайеха едва не уронил кофейный набор, а гость встал с дивана и, разведя руки в приветствии, с улыбкой произнёс:

– Какое утро без чашечки кофе можно назвать добрым? Угостишь, хозяин, коллегу, чья жизнь сложилась несколько иначе? – Он перехватил из трясущихся рук Вайехи медный поднос и поставил его на роскошный журнальный стол.

– Слава Аллаху! – произносит Вайеха, справившись с собой, и раскрывая объятья.

– Пришёл проститься, – проговорил гость, обнимая хозяина дома.

С Вайехой происходит то, что известно под названием «дежа вю». Что-то упорно не даёт ему забыть о сне. Он видит, что и просторный зал гостиной, и то, как он залит утренним солнцем, и загнутый край ковра, где стоят дешёвые пластиковые сабо гостя, – всё напоминает о покровителе из сна.

Гость и хозяин пьют утренний кофе, и Вайеха улыбается гостю: – Как я рад тебе! – говорит он. – Но, дорогой Ашан, почему тебе не сидится дома? – Не могу, – отвечает Ашан, – ухажу в Пустошь. Дети Тьмы увезли свитки Храма, а я больше полувека остаюсь не у дел, и выслушиваю сказки о ессеях, – какими они были прекрасными первыми христианами!

– Успокойся, дорогой, – утешал гостя коллега, – кто-то помог тёмной стороне, найдётся человек, который поможет и светлой. Диалектика!

Вайеха вспомнил глаза своего сиятельного покровителя, великого Юсуфа Ибн Айюба, когда тот спрашивал его: «Не встречал ли ты крестоносцев, смущающих умы правоверных и рыскающих в поисках сокровищ?»

– Оставайся, никто тебя не гонит из наших мест.

– Нет.

– Ну, если тебя не устраивает почётная пенсия при павильоне-хранилище в Иерусалиме, то старься в пустыне или в тайных комнатах Ватикана. Мне больше дела нет.

– Да пойми ты, наконец, ключник! – вскричал в сердцах Ашан, но осёкся, и услышал в ответ:

– Голем!

– Прости, – улыбнулся Ашан, – погорячился.

– И ты меня прости, Ашан, – с достоинством произнёс хозяин дома. – Не ключник я, а хранитель ключей Храма Гроба Господнего.

– Пусть так. Но даже ты понимаешь, что если Спаситель не умирал на кресте, то, стало быть, и гроб его не здесь, и твои хозяева вместе с тобой едите от чужого!

– Зря ты так, а между тем, ты в моём доме, Ашан! – напомнил Вайеха гостю, которого, несомненно, побаивался не меньше, чем приснившегося Салах ад-Дина, – и попрошу тебя соблюдать принятый консенсус.

– Ещё чего! – рявкнул гость. – Кто тебя научил таким словам?

– Во всём мире договорились соблюдать, – твёрдо произнёс Вайеха.

– А я не из вашего мира! – захохотал гость. – И не ври, что во всём мире договорились. В моём мире невозможно договориться с Тьмой. И новое поколение учёных тоже не хочет мириться с нею. И плевать мы хотели на ваш консенсус!

– Мы, мы, мы! – Вайеха с трудом сдерживался в рамках приличия. – Да кто эти «мы»? Эрик фон Дэнникен? Сэмюэл Брэндон? Ричард Ли и Майкл Бейнджет? Захария Ситчин? Кто – мы?

– Мы – это новое поколение учёных, поставивших все каноны под сомнение. Мы – это те, кто не принимает выводов всех прежних комиссий, кто будет спорить, спорить, спорить. Расшатывать! – Ашан показал, как он вместе с новым поколением учёных расшатывает ортодоксальные научные и религиозные догмы.

– Нельзя, Вайеха, чтобы какой-нибудь... решил, что может остановить приход того, что грядёт.

– Твоя воля, – сказал хозяин дома и развёл руками.

– Не моя, – сурово покачал головой гость.

– Тогда поспеши. Ведь тебе недостаточно почётно находиться при собрании свитков в правительственном павильоне Израиля.

– О каком почёте ты говоришь? – улыбнулся Ашан. – Слава Богу, с этими свитками всё в порядке. За них я спокоен. Для них иудеи выстроили дворец, и они молятся на них

во всех смыслах! Понимаешь? Я могу незаметно исчезнуть, и этого никто не заметит, потому что взгляды всех верующих направлены только на свитки. Вот я и исчез.

– Как! Ты оставил без надзора сокровища? – округлив глаза, спросил Вайеха.

– Представь себе. Они прекрасно защищены тем, что общедоступны. Но основная часть собрания гибнет в застенках Ватикана и разрушается в сейфах частных коллекционеров. Вспомни! – Ашан так напряг голос, что от утренней благодати Вайехи и след простыл, а осталась только тревога. – Свитки были обнаружены в 1947 году прошлого века, а уже через год здесь обосновалось государство Израиль, на которое напал весь арабский мир. Пятьдесят лет не прекращались вокруг свитков войны. Израиль же не только выстоял, но и дал сокрушительный отпор давнишнему противнику и изменил расстановку сил Света и Тьмы. Впервые за многие столетия на эту землю вернулись те, в ком сохранилась искра детей Света. Потомки кумранитов и ессеев. Ради этих потомков я и был создан их могущественными родственниками. Ради них я хранил столько лет эти знания. И я был создан не для жизни при музее. Толстеть и превращаться в урчащего кота – мне не грозит. К тому же, ты правильно говоришь – я голем!

Воцарилась неловкая пауза, которая длилась довольно долго. Гость прервал её весьма своеобразно.

– Вайеха, – воодушевлённо произнёс он, снимая с себя массивную золотую цепь и такой же работы золотой браслет, – прими от меня подарок.

Вайеха замахал руками, передвигая золото по столу в сторону Ашана, но тот остановил его, сказав:

– Возьми, брат. Как память о големе-хранителе. В пустыне мне это золото будет ни к чему.

Вайеха смирился и с поклоном принял подарок от существа, тайно внушающего ему ужас.

– Всё это, – голем очертил перед собою круг, – не для меня. Мне снова нужно почувствовать каменные объятия скальных пещер Кумрана, – добавил гость.

– Но почему Кумран? – искренне удивился Вайеха. – Ведь всем известно, что свитки в Риме.

– Потому что всё началось оттуда, – подмигнул Ашан.

Мистические экскурсии по Кумрану

Сегодня, в начале третьего тысячелетия, на страничке в интернете, посвящённой альтернативной истории, можно найти объявление, в котором фирма «Ашан» приглашает на экскурсии «По мистическому Кумрану».

У входа в Кумранский заповедник важно расхаживает некто в одежках бедуина, говоря, что он и есть джинн, и предлагает себя в качестве гида и знатока текстов кумранских свитков. Заезжие туристы зачастую отмахиваются от надоедливого фрилансера, пряча кошельки и улыбки. А зря. Благодаря ему местное население, знающее толк в рассказах подобного рода, полюбило эту забаву. Байки такого толка слушаются с неизменным интересом, и каждый раз воспринимаются, как семейные истории. С ними соглашаются или спорят, но их никто не опровергает. Их пересказывают из уст в уста, а потом они попадают на карандаш писателям и журналистам, проникают в печать и вызывают живой интерес читателей. Учёные от Ватикана, не успевая реагировать на хлынувший поток извлечённых из свитков «возмутительных, совершенно антинаучных домыслов, публикуемых под видом исторических подробностей», выказали свою серьёзную озабоченность.

На фоне неутихающего скандала со свитками Кумрана разражается ещё один скандал, который не только не отвлекает общественность от темы свитков, но и подливает масла в огонь. Израильский коллекционер древностей предъявил на всеобщее обозрение оссуарий, в котором некогда хранились останки Йакова, сына Иосифа, брата Иисуса, Первосвященника Иерусалимского храма, о чём свидетельствовала надпись на арамейском языке.

Благодаря интересу читателей к персоне Йакова, в прессе стали появляться статьи о сводном брате Иисуса, со ссылками на Кумранские свитки, проливающие свет на таинственные события, предшествовавшие трагической кончине Первосвященника Иерусалимского Храма Йакова.

В одной из статей были даны ссылки на свитки ессеев, в которых говорилось о причастности будущего апостола христианской церкви Павла к смерти Йакова. Автор статьи утверждал, что название ессеи происходит от древнееврейского «осэй-ха-тора», что переводится, как «вершители Закона», и что центр духовной жизни страны, со времён разрушения Первого Храма неизменно оставался в Кумране. В статье утверждалось, что не только Йаков, но и брат его, Иисус, и его кузен Иоанн принадлежали к духовной элите, которая именovala себя детьми Света.

Как только не называли этот, воистину мистический, город! И Городом Магов, и двух лун, и Городом соли. Он принял на себя все тяготы секретности, ибо, прежде всего, был знаменитой Дамасской Пустошью, или Дамаском. Тем городом, и первой крепостью, к стенам которой будущий апостол Павел всё ещё ведёт свою карательную экспедицию. Он готов самолично предать огню и мечу тех, кто попытается защитить бунтовщиков ессеев от римской казни распятия.

Согласно свиткам, Дамаск или Кумран, был легендарной кузницей высшего духовенства Израиля. Именно отсюда ессеи руководили жизнью страны. Отсюда их взгляд был обращён на Иерусалим, отсюда дети Света готовились привести на трон Израиля наследного князя рода Давида и Аарона. Именно здесь, без революций и кровопролития, готовился приход к власти нового сознания.

Но покоритель Земли Велиал не мог допустить подобного развития событий...

У входа в Национальный заповедник бедуин-фрилансер держит в руках, как рекламу, газету со скандальной статьёй. За небольшие деньги он предлагает сделать экскурс в прошлые времена под благовидным предлогом разобраться в запутанной, и потому вечно притягательной новозаветной истории.

Он клянётся и божится, что Йаков принял мученическую смерть от рук садиста и хладнокровного убийцы – эпилептика Савла из Тарсы.

– Савл? Да это же – Павел! Апостол христианства! – объясняли ему – тупому. А он страдал и в сердцах говорил:

– Это ошибка! Это чудовищная ошибка! Нельзя так думать! Савл был самым свирепым ненавистником ессеев. Зависть к их избранности снедала его. Мудрецы говорили, что сам дух Велиала вселился в него, чтобы отомстить ненавистному племени. Таких, как Савл, в народе называли киттиями, чтобы лишний раз не упоминать детей Тьмы. А вы знаете, что, во время приступов падучей, Савл хрипел голосами всех ашшуров своего хозяина, поселившихся в нём: «Истребить! Истребить Иисусово племя»!

Группа туристов смеётся, и высокая блондинка с платочком в виде американского флага на голове с некоторой брезгливостью протягивает бумажные деньги, говоря:

– Это не секрет, что Павел был защитником еврейской религии и потому – противником первых христиан. Но важно, что Иисус изменил его.

Бедуин протянул руку к деньгам, но его пальцы «промахнулись», и вот запястье блондинки в его руке.

– Теперь придётся выслушать повнимательней, – сказал он. – И немедленно спрячь назад свои деньги!

– Что вы хотите?!

– Чтобы ты поняла: Савл был одержим бесами! Сам князь Тьмы Велиал обуял его. А ты знаешь, что такое – обуял? Это когда дьявол входит в тело...

Блондинка с глупой улыбкой вырывалась из рук сумасшедшего бедуина, а он склонился над ней и продолжил, словно сам был тем дьяволом, который натягивает на себя, точно чулок, чужое тело:

– Залезет в тело, а потом оттуда, изнутри, буянит! Проявляет дьявольское нетерпение! – засмеялся Ашан и отпустил руку напуганной туристки, переведя взгляд на подоспевшего ей на выручку приятеля, попытавшегося схватить сумасшедшего гида за грудки.

– Он требовал от первосвященника Анании позволить ему разыскать и уничтожить секретный город ессеев, откуда дети Света рассылали Благую весть о Мире, – Ашан произнёс эту фразу в лицо приятелю блондинки, и тот, взглянув в его зелёные глаза, утратил все свои прежние намерения в адрес местного вымогателя.

– Организованная Савлом операция против Дамаска закончилась тем, что при помощи фокуса с ложным ослеплением и, якобы, волею Иисуса ему удалось внедриться в секретную школу, – продолжал свой рассказ фрилансер. – Здесь, в Кумране, он потребовал излечения, а потом и знаний, которые в итоге употребил против своих учителей. Уже в школе он начал создавать миф о Христе, который должен будет затенить уникальную личность распятого Велиалом царя-мессии.

– В то время, в которое мы возвращаем мою память, – говорил ободрённый всеобщим вниманием гид, – Йаков возглавлял Совет мудрецов. Этот Синедрион осудил деятельность Павла как ложную, назвав его лжецом и приговорив к смертной казни за поношение Торы и многочисленные убийства людей Завета. С тех пор сикарии рыскали в поисках лжеца, кото-

рый окружил себя охраной из числа слуг Велиала. Те называли себя учениками Павла и никого не допускали к своему предводителю.

Организация Павла сильно походила на военную. Она строилась на воинской иерархии, требуя безоговорочного подчинения младшего старшему. Понятно, что добратся сикариям до помощника первосвященника Анании было делом практически невозможным, а привести в исполнение приговор Синедриона – и подавно. Но, на всё Высшая воля и всё воздаётся мерой за меру.

Тем временем уставший солдат Савл в благости и неге диктовал послания. Он обильно пересыпал письма цитатами из сокровищницы ессеев, которая открылась ему в Пустоши.

Обожествляя Иисуса, Павел отменял один за другим Законы Всевышнего, и всю ответственность за это легко переводил на Христа, и некий Новый завет...

Среди прочих наук в школе ессеев он изучал «Завет людей Нового времени», и это не был тот Новый завет, о котором потом говорил Павел.

С Завета людей Нового времени начиналась таинственная история детей Света, и того, кто возглавил их, кто пришёл исполнить Закон, но был распят. И здесь, в школе, Павел осознанно стал подменять понятия и придумывать свой «Новый завет», который мог бы заменить собой «Завет людей Нового времени».

Он мыслил по-военному. Как стратег. Новый завет, по мнению Павла, должен был создать ему мощнейший тыл из тех, кто не является приверженцем иудаизма. Таким образом, он намеревался отринуть сам Завет Всевышнего со своим народом, уничижительно назвав его ветхим.

В те времена Йаков, старший брат Иисуса, возглавлял центр духовной элиты иудеев и оппозицию священникам-самозванцам. Первым из таковых был первосвященник Анания, назначенец, не обладавший склонностью к святости. Не имея никакой подготовки к исполнению священнических обязанностей, он очень боялся столкновений с Йаковом в Храме. Ведь народ всегда был на стороне священников из рода Аронидов, положенных на священство самим Всевышним, а не оккупационными властями. И, несмотря на то, что власти отстранили истинных священников от священнодействия в Храме, Йаков оставался первосвященником Иерусалимского Храма от ессеев, и был признан таковым всем иудейским народом.

О Павле же говорили как о человеке, гнушающемся выполнять предписания для праведников, и что он «перелит в плавильной печи». В соперничестве, заведомой лжи и предательстве началась духовная карьера будущего апостола Павла, основавшего религию для язычников, весьма далёкую от Бога иудеев, и той Вести, которую, как надежду, принёс в этот мир Иисус.

Старания Савла на стороне детей Тьмы возымели немыслимый успех. Савл был использован ими, а потом его позволили зарезать.

Ессеи не питали к Павлу тёплых чувств. О нём, как о бывшем своём воспитаннике, с болью и горечью говорили: «При обнаружении его дел он должен быть выслан из собрания, как будто его жребий не падал среди воспитанников Бога. Сообразно его отступничеству должны обличать его люди знаний до дня, когда вернется Господь, чтобы встать на место людей совершенной святости».

Скандалная история апостола

Взращённый фарисеями воин шёл, чтобы навсегда прекратить деятельность храмовых колдунов. Он был воспитан в духе ненависти к магам, скрывающимся за именем делателей Закона. Их знаменитая школа Дамаск пряталась за стенами крепости Кумрана, именуясь Кумранской Пустошью. А на самом деле, эта Пустошь представляла собой рассадник инакомыслия и бандитизма, присущего зелотам, берущим на себя функции охраны и защиты горстки старцев-жрецов, отстранённых правительством от власти над храмом.

Каратели приближались всё ближе. Уже можно было разглядеть детали мятежного Дамаска, а Савлом овладел внутренний пожар. Глаза его померкли и налились кровью. И сквозь марево он видел искажённые лица врагов, тронутые очистительным огнём.

– Мечущаяся горстка жрецов! – кричал он. – Княжеская кровь! Что вы нажили, кроме святости? Ни власти, ни денег, ни семьи! Вы вызываете отвращение! Лицемеры! Банды зелотов и убийц-сикариев! – Савл свалился с коня на виду у всех. Во рту его пузырилась пена.

Когда припадок одержимости прошёл, Савл выплюнул ореховую ветку, заботливо вставленную ему в рот одним из его охранников, и попытался подняться. Телохранители протянули руки, но он снова упал на землю. Глаза его были переполнены ужасом. Их заволакивала пелена появившегося в небе стального облака...

На три дня ужас боевой мощи облака порастил Савла. Облако отняло его зрение и сломило в нём воинский дух. На Савла нападала паника, когда в его мозг вонзался луч света, и вызывал одно и то же видение: светящееся облако цвета стали выныривало из-за пригорка, и стремительный луч неземного света ослеплял Савла, прервав стройно выстроенный план уничтожения учителей и последователей царя Иудейского, Йешуа.

Три дня врачи Пустоши восстанавливали зрение Савла. Три дня они ворчали, что пригнали змею на груди. И были правы. А когда прозревший Савл объявил это чудом Йешуа, – вопреки его ожиданию, никто не возразил. И его слова о том, что отныне он уверовал в Йешуа, тоже никого не удивили. Для есеейского окружения, в которое попал Савл, это было естественно. И его обращение воспринималось как факт, но не событие. Повсеместно Савл встречал холод и равнодушие. И тогда он изъявил желание пройти обучение в эзотерической школе, взяв себе имя Павел, что означает «меньший». Тут самообладание духовных учителей, против которых Тарсянин организовал экспедицию и сам лично выступил с обнажённым мечом, было подвергнуто серьёзному испытанию. Некоторые не прошли его. Желание карателя остаться ещё на три года в Пустоши вызвало в них состояние, близкое к панике.

Между тем, не дождавшись ответа, Савл стал рассказывать о том, что глубоко уверовал в Божественную силу Йешуа, и что вера его истинна, ибо он познал то, во что уверовал. Савл объявил себя «младшим» свидетелем Спасителя, который полностью и окончательно изменил его сознание.

Приняв обряд очищения водой, ничем не отличающийся от омовения в микве в его общине, Савл взял имя Павел, и был зачислен в секретную школу для послушания и приобщения к истинной вере. В школе он выводил от людей о том, кто столь напугал его. А ночами Йешуа вновь возникал перед ним в снопе неземного света, исходившего из белого, отливаю-

щего дамаской сталью облака. И там, откуда зарождался этот разящий сноп, Савл и теперь мог различить лица двух ангелов в белых одеяниях, белизной превосходящих свет.

Каждую ночь, точно пытка, луч непременно разворачивался и неотвратно устремлялся к его глазам! И делал это так медленно и так жутко...

Припадками эпилепсии, известные иудеям как одержимость бесами, у Савла участились. В этих состояниях он и совершал все свои бесчинства. Тогда руководившие им изнутри ашшурцы, то и дело пытались явить свой лик в мир, который они намеренно разрушали до основания.

На многочисленные обвинения в падучей Савл отвечал, что не страдает одержимостью бесами, но ему дано жало в плоть, чтобы он не превозносился.

– Это жало получено от осы Йешуа, – веско заключал он.

– Каратель, а говорит, как поэт! – удивлялись вокруг.

– Не карателем вошёл я в Пустошь, а лишённым зрения человеком. – отвечал Павел. – Ибо я тот, который, внезапно потеряв зрение, обрёл зрение духовное, последовав велению гласа свыше.

Но его интересовал Йешуа: каким он был, как и что говорил. Здесь всё сильнее разыгрывались его фантазии, и вынашивались будущие злодеяния.

Лелея в сердце месть за унижение, Павел постигал науки, которые ему очень скоро пригодятся. Ведь то, что не смог сделать мечом Савл, Павел намеревался доверить перу и риторике. «Меньший» открыто заявлял, что желает поведать миру об Иисусе, с которым он встретился на пути в Дамаск.

Свои знаменитые «письма-послания» он начал сочинять в школе Дамаска. Он читал их всем подряд. И, чем больше Савл говорил о своём «спасителе», тем страшней и богохульней становился Христос Павла.

Его шпионы донесли, что Йаков подробно отписал Петру в Иерусалим своё видение Павла. Йаков называл его лжецом и потребовал принять меры, пока тот не натворил беды, распространяя ложь о Йешуа, его именем отменяя заповеданное.

Так, на третьем году обучения, Павел тайно покинул Кумран, чтобы избежать расправы. Его вовремя успели предупредить о том, что ответом из Иерусалима стал смертный приговор, вынесенный синедрионом.

Поселившись в Антиохии, лжец продолжает задуманное. Он диктует своим ученикам послания и рассылает их по всему миру. Павел жаждет заставить мир забыть об истинном Йешуа и его Евангелии Мира. Он намерен идти в Рим, чтобы и там поведать миф о Христе, принесшем себя в жертву за всё человечество. Не желая делить Йешуа ни с кем из иудеев, знавших о нём больше, чем он, Павел лишает своего Христа его семьи, его народа, его Знания, создав мифический образ бога, – Иисуса-веры, который был мил язычникам уже тем, что сильно походил на покровителя воинов Митру.

В доме Павла, наполненном язычниками, злонамеренно, с неистовой одержимостью разрушались законы, данные Моисею на Синайской горе. Павел отменил их самолично, назвав «ветхими». Обожествляя Христа, он создал религию распятого на кресте мученика, суровую религию поклонения человеческому жертвоприношению. Утверждая свою правоту, Павел

провоцирует беспорядки в Храме, куда ворвались римские солдаты, готовые к подобному развитию событий.

Пользуясь моментом, Савл сбросил с лестницы храма своего соперника – Йакова.

Велиал читал послания Павла и хохотал! Силы Тьмы могли праздновать победу! В основу создаваемой Павлом религии было заложено человеческое жертвоприношение. И этот факт, в виде распятия царя иудеев, должен был стать символом христианства.

С большим трудом удалось тогда сдержать народ, чтобы вспыхнувшее стихийно восстание не подожгло всю страну. Но через год восстание, всё же, вспыхнуло. И опять стихийно. Люди нападали на военные лагеря римских наёмников, а те жестоко подавляли террор, сжигая деревни и разрушая города. Народ собирался в крепостях, оказывая ожесточённое сопротивление детям Тьмы. Четыре года длилась война, в течение которой римляне намеренно истребляли духовенство. Люди сникли. Военный предводитель восстания неожиданно перешёл на сторону римлян. Нужны были новые предводители, новые имена, и они появились. И это было прекрасно, потому что такого количества мессий, готовых умереть с оружием в руках, история ещё никогда не знала.

В короткое время пала и была разрушена крепость Кумрана, были вырезаны, сброшены в пропасть, и добиты пиками жители крепости Гамала, которые помогли ессеям вывезти из страны Иисусовы свитки.

Уныние, разорение и запустение. Пыль и гарь над разграбленным и разрушенным мощью римлян Иерусалимским храмом. Уничтоженное духовенство, изгнанный с земель народ. Таким видит Велиал итог сражения с детьми Света. И в память об этом событии он оставляет одну стену от Храма, под чьими сводами сиял свет Истины, где звучал и священнодействовал голос Йешуа. Нет того Храма, где Йаков проповедовал иудейскому народу «Евангелие Мира от ессеев». Но остались свитки с его записями. И они покинули пределы Римской империи.

Вдогонку этим свиткам, Велиал отпустил фарисеев, подарив жизнь историку со своей историей, священнику со своей школой, и апостолу со своей религией и ненавистью к евреям. Велиал позаботился, чтобы в будущем, когда придёт час последней битвы Света и Тьмы, искажённый по воле победителей иудаизм отвернулся бы от последнего царя Израиля.

А Павел добился своего. Он пришёл в Рим. Это был его триумф! Его спрятали в тюрьме, чтобы люди, не готовые к подобным речам, не разорвали Павла на куски. Но во время одной из проповедей он увидел через решётку знакомое лицо. Это был сикарий. Убийца. Ашшурцы поспешили оставить Павла, и сникший Савл понял, что покровителю он больше не нужен, что пришло время ему самому стать жертвой и мучеником.

В тот же миг сикарий привёл в исполнение приговор Синедриона. Рука с острой бритвой проникла сквозь решётку, и Савла не стало. С перерезанным горлом валялся он в луже крови на тюремном полу, а военная машина его религии подавления незамедлительно предстала перед миром во всей своей красе. Ведь теперь она всецело принадлежала Велиалу, который намеревался при её помощи заполучить весь мир...

Нужно ли говорить, что среди друзей блондинки, которой всё это рассказывал Ашан, был журналист. Он быстренько накатал статью «О нафталиновом Завете из ультрасовременных хроник ессеев». Статья была выставлена в интернете, и имела успех. Там же появилась ссылка на видеосервис, где демонстрировался ролик – бедуин ведёт пересказ некоторых «скучных», по мнению чёрных сутан, хроник, посвящённых жизни кумранской общины.

Михаил Левин. История свитков

Приблизительно в это же время внимание средств массовой информации привлекает неординарное событие. Израильский окружной суд принимает сторону коллекционера древностей Одеда Голана, признавая оссуарий, предъявленный им общественности, и саму надпись на нём: «Йаков, сын Иосифа, брат Иисуса» – подлинными. Коллекционера выпускают из-под стражи.

А вот в далёком Приморском городе другого коллекционера, напротив – посадили в тюрьму. Впрочем, какой он коллекционер? Мошенник, выдающий себя за уважаемого учёного кандидата археологических наук, Михаил Левин.

В тюрьме сыро, беспредельничают сквозняки, – сказывается близость океана. Михаил Левин, – мужчина лет сорока пяти, лежит на нижних нарах, с закинутыми за голову руками. Глаза его закрыты, но он не спит. Он прислушивается к ветру. Ему кажется, что ветер вот-вот снесёт тюрьму. Снесёт к чёртовой матери вместе с ним и его сокамерниками, с охраной и всей обслугой прямо в бушующее море.

Воображение рисовало картины, где он был клочком газеты, подхваченным штормовым ветром и несущимся в неизвестность над бескрайней, ужасающей стихией воды. Но, едва открыв глаза, Михаил понимал, что тюрьма не отпустит его, не уступит никому – даже разбушевавшейся стихии. Навечно врубившись колуном в сопку, тюрьма легко переносила любые перемены, и никакие стихии ей были нипочём.

Михаил открывал глаза лишь для того, чтобы убедиться, что всё не так уж и плохо. Оглядевшись, он снова смежил веки, прислушиваясь к шуму шторма. Ветер наседали на тюрьму, и намерения его были более чем круты. Лишь временами он затихал, чтобы набраться новой силы. А потом долго и пронзительно свистел и скрежетал.

Михаилу показалось, что сквозь дремоту он услышал голос ветра:

– Завидуешь?

Михаил открыл глаза. Над ним стоял крепкий мужик в стильной майке и рваных джинсах. Судя по тематике наколотых на руках отличий, он был совсем не новичок в уголовном мире. И его погоняло Бывалый, принималось без лишних слов.

Перед Бывалым лежал несколько полноватый мужичок, с явно выраженным интеллектом. Глядя сверху вниз, Бывалый снова спросил:

– Завидуешь?

– Чему? – не понял Михаил.

– Ветру! – рассмеялся Бывалый. – Тому, что он по ту сторону забора!

– Завидую, – улыбнулся Михаил. И Бывалый, обескураженный прямым ответом, крикнул:

– Ну да. Вот ты, Кандидат, мужик умный. Что-то даже преподавал. Скажи, что с людьми происходит? Почему бардак такой?

– В мире нарастает глобальный кризис, – ответил Кандидат, и сокамерники застыли, раскрыв рты.

Чего? – спросил худой и шустрый мужичонка неопределённого возраста. Из-под ворота его рубахи виднелась вылинявшая тельняшка. – Кандидат прикалывается?

Говори проще, – кивнул Бывалый, поглаживая лысину и садясь на шконку Кандидата. – Будь проще, и люди к тебе потянутся. Да, Морячок?

Морячок согласно кивнул, подойдя к Бывалому.

– Куда уж проще? – спросил Кандидат, вставая со шконки и зябко потирая руки. – Сами посмотрите. Рушатся все законы, созданные людьми.

– Это какие такие законы рушатся? – полюбопытствовал парень лет двадцати, лежащий на верхних нарах. Он только что проснулся и решил поучаствовать в беседе.

– Тише ты, дизентерийный, – цыкнул Морячок, – молодой ещё! По понятиям...

– Не дизентерийный, а дезертир.

– Что, ссышь за Родину воевать? – рассмеялся Морячок.

– А почему «по понятиям»? – поинтересовался Кандидат, и Морячок охотно ответил.

– Потому, что он – в тюрьме, и он – вор, хоть и прикидывается фрайерком.

– И что из этого?

– А то, что вор, – Бывалый смотрел на Молодого, – живёт по понятиям.

– Это значит, что вор не признаёт закона? Так?

– Так, – кивнул Бывалый.

– А «понятия» – это то, что вор признавать должен?

– Вор живёт по понятиям, – чеканил каждое слово Бывалый.

– Хорошо. Выходит, понятия – это тоже закон? – спросил Кандидат.

– Это воровской Кодекс.

– Кодекс для тех, кто не признаёт законов?

– Смекаешь, – впервые улыбнулся Бывалый.

– Вот я и спрашиваю, – продолжил Кандидат. – Что происходит, когда воры отказываются жить по «понятиям»?

– Так и я о том же! Бардак!

– Согласен. И у нас в наличии – семь миллиардов человек, которые ради своего живота рвут зубами своё, нарушая все законы: божественные, уголовные... и даже воровские понятия. Человеческая жизнь обесценилась. Люди за гроши продают себя себе подобным, а те словно возомнили себя богами и стали посягать на законы природы. И это уже не бардак, нет. Это – глобальный кризис. Когда ни на кого нельзя положиться, когда врагами становится государство, банки, кредитные кампании, когда весь мир ополчается против тебя, и помощи ждать не от кого. Тогда каждый отвечает за себя сам. И многим кроме ножа или выстрела – увы, больше ответить нечем. Вот это и есть глобальный кризис.

– Точно. Глобальный, – согласился Бывалый, – но что же взамен?

– Взамен будет генерация «Пи».

– Это как?

– Это когда деньги перестанут иметь цену.

– Ты гонишь! – вскричал Морячок. – Это же – всем тогда...

– Точно!..

– И кто это всех так опустил?

– Тамплиеры, – неожиданно для всех ответил Бывалый.

Кандидат улыбнулся, а Морячок громко сглотнул слюну.

– Тамплиеры! – повторил Бывалый. – Один умный мужик, вроде тебя, рассказывал, что тамплиеры владели несметными сокровищами, которые приумножали тем, что перемещали их с места на место.

– И каким образом? – поинтересовался Морячок.

– Как в напёрстках. Сначала они подражались в качестве охраны и перевозили целые состояния. Смекаешь? А потом придумали чеки.

– Это было удобно, – согласился Михаил, – и намного безопасней. С тех пор, как тамплиеры стали применять первые чеки, путешественникам не нужно было брать в дорогу опасный груз – золото. Тамплиеры принимали его, выдавая бумагу, по которой её предъявитель мог получить золото в любом месте, где находилось представительство ордена.

Бумага стала популярной, а тамплиеры очень богатыми. Из обихода стали изыматься золотые и серебряные монеты, на смену которым пришли деньги из бумаги.

– И что?

А то! Множественное количество бумажных денег не всегда отражает реальное количество золота, стоящего за ними.

– Бывалый, а ты, часом, сам не из этих? – спросил Морячок. – Как их там?..

– Тамплиеров, – подсказал Молодой.

– Нет, – подумав, ответил Бывалый, – но с твоей мамой я мог бы ещё сделать маленького тамплиерчика. – Все, кроме Молодого, рассмеялись, и под общий хохот услышали:

– А вот он – готовый тамплиер, – Бывалый пальцем указал на Кандидата.

– Нет, – сказал Кандидат, отмахиваясь. – Тамплиеры – дети в сравнении с теми, кто их обучил делу и позволил разбогатеть. Всем своим положением и богатством они были обязаны нашим паханам.

– Эй, Мужик! – окликнул Бывалый затаившегося на нарах мужчину лет пятидесяти. – Слыхал?

Мужик всё слышал и теперь улыбался. Но, когда он взглянул на Кандидата, тому показалось, что Мужик обнажает зубы. Связки на его шее сильно напряглись, а сам он хоть и лежал, а был – как взведённая пружина. Он легко для своих лет отжался от нар и в прыжке перемахнул через них. По-кошачьи приземлившись на четыре конечности, он выпрямился и, потеряв ладони, выдохнул:

– Х-кто такие?

Михаил смотрел на Мужика и видел, как у его виска пульсирует вена.

– Неужели никогда не слышали? – спросил он, как можно естественнее разыгрывая удивление. – Очень известные личности.

– Говори, – произнёс Мужик, продолжая скалиться.

– Самый крутой, – сказал Михаил, – Моше Ребейну.

Мужик кинул взгляд на Бывалого, и тот кивнул:

– Был такой крутой, – сказал он, – из принцев Египта. Кинул братца-фараона на золото и увёл из рабства целый народ, с которым говорил от имени Бога.

– Считается, – сказал мужик, загибая палец, – кто ещё?

– Шимшон. Ну, то есть, Самсон, – назвал имя Михаил.

Мужик продемонстрировал полное непонимание.

– Самсон и Далила! – подсказывал Михаил Бывалому, а тот лишь морщил лоб и качал головой. Наконец, он спросил:

– Это тот, с длинными волосами?

– Тот! – обрадовался Михаил эрудиции Бывалого.

– Ну-у-у-у! – зарычал Бывалый. – Этот Самсон был зверем. Он в натуре пасть льву порвал!

– А когда на него напала тысяча филистимлян, – подхватил Михаил, – он ослиной челюстью отбил от преследования.

– Погорел на бабе, – сказал Бывалый Мужiku.

– Да, – сочувственно кивнул Мужик и закурил.

– Потом был Давид, – сказал Михаил. – Он был подростком-пастухом, когда попал в армию царя Шауля. Как раз, когда предводитель филистимлян предложил решить исход сражения поединком двух лучших воинов и выслал для состязания трёхметрового великана Голиафа.

– Выберите человека, – крикнул тот, – и пусть он подойдёт. Если он убьёт меня, мы будем вам рабами, если я убью его – будете служить нам!

Никто не решился противостоять великану, вооружённому дротиком, мечом и луком. И тогда Давид принял вызов. Он вышел на бой с филистимлянином, вооружённый палкой и кожаным ремнём, мгновенно превращавшимся в пращу, и пятью камнями.

– Разве я собака, что ты идёшь на меня с палкой? – закричал Голиаф... и получил камнем в лоб. Поверженный от первого же камня великан рухнул замертво, а юный воин отрезал голову врага и поднёс её царю. Филистимляне в панике бежали. Давид стал царём и отцом Соломона, мудрейшего из людей.

– Ну, про мудрость Соломона я тоже слышал, – улыбнулся Мужик, – когда он двух проституток с байстрюком развёл, – он довольно хмыкнул.

– Было много других, но я называю только самых известных, – обратился за поддержкой к Бывалому Михаил, – и, конечно, Иисус.

– Как, – удивился Морячок, – и его тоже вы себе забираете? Он же – наш.

– Прежде всего, Иисус был наследным князем. Сыном Звезды, рождение которого было предсказано пророками и волхвами.

– Конец света! – присвистнул Морячок и сбацал чечётку.

А когда закончил, то взглянул в глаза Кандидата и пошатнулся, ибо увидел стального цвета облако. Оно походило на каплю ртути, было огромных размеров и стремительно удалялось, превращаясь в маленькую точку, зависшую над местом, где сходились с двух сторон на великое побоище две невиданные равные силы – дети Света и дети Тьмы.

Перед великим побоищем

И был тот день назначен от века, когда Божественный сонм и общество мужей земли встанут на стороне Света и сойдутся в последней битве с сынами Тьмы.

И встали сыны Левия, Иуды и Вениамина ради могущества Божьего. Мужчины, воины от тридцати до сорока пяти лет, шли в пустыню, куда указывало Небесное Воинство.

Шли, чтобы принять последнее сражение на стороне Света.

И сгушалась над ними тьма, и стояли сыны Израиля против полчищ Эдома и Моава, против войск киттиев Ашшура, против банд филистимлян и магии Велиала, – всех тех, кто пришёл обесчестить Завет.

Зазвучали призывные трубы-шофары, и мужчины распростились с детьми и жёнами, покинули дворы и направились к местам сбора, где формировались отряды, которые выстраивались в полки и боевым порядком отправлялись в пустыню.

Впереди всех шли первосвященники. Сквозь пыль и гарь пожарищ был виден их большой значок длиной в четырнадцать локтей, на котором золотом было написано «Народ Божий». Следом за священниками шли колонны князей – Левиты. В тринадцать локтей был значок их рода, идущего от Аарона. И было золотом написано на том значке: «Знамя Божие».

Вступающие в бой имели нагрудные значки. На значках князей, помимо имён собственных, были надписи: «Десница Божья», «Срок Божий», «Смятение Бога», «Сражение Божье», «Правда Божья», «Справедливость Божья», «Слава Божья» и «Суд Божий». Золотые буквы вспыхивали на солнце, и казалось – сами готовы стать оружием Господа.

И завершило войско левитово первую шеренгу на тысячу человек. Такая шеренга называлась чередом. И завязался новый черёд, а за ним – ещё и ещё череды. И воины в них были вооружены луками и стрелами, пиками и мечами-секирами. И щиты их были отполированы, подобно зеркалам. Они были длиной в два с половиной локтя, и шириной в полтора. Их края обрамляли искусные витые украшения из сплава золота, серебра и меди, с вкраплёнными драгоценными камнями, составлявшими неповторимый узор, в котором поселялась радуга.

И, точно созревшая пшеница, волновались на ветру пики. Длина их была в семь локтей и включала замок и наконечник в пол-локтя. Замок копья обхватывали три насечённых кольца, как и витые изделия щитов. Они были отлиты из того же сплава: золота, серебра и меди. И обрамление по обе стороны кольца также было мастерски заключено в искуснейшую форму. А по кругу шёл неповторимый узор из драгоценных камней. И пойманное в узор солнце порождало всё те же радужные блики – «Оружие Бога».

Наконечник копья был составлен из белого, блестящего железа, и был обращён к острию стержнем пшеничного колоса, выкованного из чистого золота.

И появилось в безоблачном небе единственное белое облако, напоминающее собой ртутную каплю или вертолёт, отливающий хромированной сталью. Непонятно как, но Морячку удалось проникнуть взглядом сквозь яркое свечение облака и даже различить кого-то в белом одеянии, белизной превосходящим свет от этой тарелки. А в том, что это тарелка, Морячок не сомневался.

Когда видение рассеялось, Морячок испуганно взглянул на остальных.

– Что за хрень? – спросил он и непроизвольно перекрестил рот. – НЛЮ какое-то...

– А что это за дети Тьмы и Света? – поинтересовался Молодой.

– Нет, вы видели, что за мечи у них были? – восхищённо спрашивал Мужик. И сам отвечал: – Настоящие секиры! – сказал Мужик со знанием дела. – Ровные, к острию идущие углубления для стока крови. С каждой стороны по два. Лезвие укреплено с обеих сторон золотым

колосом. Длина, эдак, в локоть с половиной, и ширина – пальца четыре. На рукоятке отборный рог с резным узором в золоте и серебре, который просто усыпан драгоценными камнями.

– Это был – Иисус? – робко спросил Морячок. – В белых одеждах... что белее снега зимой... Что это было?

– Эпизод моего уголовного дела, – сказал Кандидат и грустно улыбнулся.

– Гипноз, что ли? – спросил молодой.

Михаил не ответил. Он, молча, потянулся и подошёл к окну. Закурив, он выпустил дым в форточку высокого тюремного окна.

– Морячок, а что было в руках Иисуса? – спросил Михаил с надеждой.

– Так ведь... Крест! – вспомнил Морячок. – Точно! В одной руке – крест, в другой... не помню – что.

– Свитки, – подсказал Михаил, – он нёс в руках свитки.

– И о чём там, в этих свитках, конкретно? – спросил Морячок.

– О сверхчеловеке, – сказал тихо Кандидат, но так, что его слышал каждый.

– Да иди ты! – хохотнул Морячок. – Докажи!

– Иисус учил человека сверхвозможностям.

Каким?

Разным. Тем, которыми владел сам. В этих свитках он учил человека тому, как исцелить себя, своё тело, свои мысли, свой внешний и внутренний мир. Как в чистоте своей причащаться к Ангелам утра в делах повседневных и Ангелам ночи для дел не суетных. Он разъяснял модель МИРА и учил, как сделать его совершенней...

– Ну? – промычал Молодой.

– Не нукай, не запряг! – наехал Морячок. – Ты что, не понял, насколько это не про нас?

– Это как раз про нас, – возразил Михаил, улыбаясь, – если мы не хотим тотального уничтожения людей с лица Земли, другого пути у нас уже нет.

– Может, кто и хочет, только не я, – сказал Молодой.

– И я не хочу, – искренне сказал Морячок.

Мужик согласно кивал головой, а Бывалый спросил:

– А кто тогда хочет?

– Никто не хочет. Но изменить себя и полюбить ближнего, как себя самого мало кто сегодня может... – Молодой перебил Кандидата заливистым хохотом, но тут же получил удар по почкам.

– Продолжай, – заинтересованно сказал Бывалый.

– Так вот. Тут не смеяться надо. Ведь если не полюбить... если всё оставить, как есть... то уже сегодня планета может оказаться без городов, деревень, зон и тюрем. Без нашей «крытки» и колючей проволоки. И не будет ни конвоя, ни сук. Но не будет и мужиков, и тех, кто мог бы помянуть сметённое с лица Земли человечество, – Михаил замолчал. Ветер бессильно взвыл и умолк, а в наступившей тишине было слышно, как на лампе спариваются мухи.

– Никого! – прервал тишину Морячок. – Чистая планета. Без параша... – От его слов стало ещё тоскливей.

ИИСУСОВЫ РЕЛИКВИИ

Бывалый вдруг оказался за спиной Михаила и прошептал ему на ухо:

– Сдаётся мне, не крест, а кинжал был в руках Иисуса.

– Как! – вскрикнул Михаил, а Бывалый больно обнял его за шею и прошептал:

– Тише. Не на рыбалке. Слышал я байку: стянули, якобы, у самого Иисуса кинжал.

А к нему и бумаги какие-то в придачу.

– Ты их видел?! – изменился в лице Кандидат.

– Тихо, тихо, тихо, – улыбался Бывалый, отводя Кандидата подальше от лишних ушей, – до твоего гипноза я их не видел, а только слышал о них. Тут один человечек сидел, всё во сне про свитки какие-то бормотал, так за ним из ФСБ приезжали.

– Кто такой? – спросил Кандидат.

– Сашка. Бубен.

– И где он теперь?

– А я знаю? – хмыкнул Бывалый. – Ему мокруху клеили. Тройное убийство.

Двери камеры отворились. Конвойный ввел старика-арестанта. Тот с уважением взглянул на Михаила и бочком протиснулся между ним и Бывалым, успев тому что-то шепнуть.

– А ты знаменитость, – сказал конвойный Михаилу, – давай, на выход.

– С вещами? – спросил с надеждой Кандидат.

– Щаз! Прямо с вещами. Иди! Кум зовёт, – заржал конвойный, – на ковёр.

В кабинете начальника тюрьмы по-домашнему уютно. Большие окна, выходящие во двор, занавешены тяжёлым бархатом. Поверх окон ниспадает тюль, лёгкий, ажурный и белоснежный. На полу настлан линолеум и дорогой ковёр.

Так что, сказав, что Кум вызывает на ковёр, конвойный не соврал, заставив заключённого снять ботинки у дверей.

– А! – обрадовался начальник тюрьмы, увидев Михаила. – Заходи... Да ты знаменитость.

– Так уж и знаменитость, – скромно потупив взгляд, произнёс Михаил.

– Не скромничайте, Михаил Аронович. О вашей афере СМИ уже раструбили на весь мир! Не сегодня-завтра на телевидение попадёте. Знаете, интеллектуальный уголовник нынче не новость, но не каждый становится знаменитостью... – Полковник встал из-за огромного дубового стола, покрытого зелёным сукном, указывая рукой на кресло. Он был крепким мужчиной, этот полковник с глазами белого медведя. – Знаете почему?

– Нет.

– Нужен продюсер, шоумен. А не у каждого он есть.

– А у меня, что ли, есть?

– Есть. По крайней мере, с сегодняшнего дня. Но обо всём по порядку. Будем знакомы. Полковник Скрипник. Сергей Валерьянович.

– Левин, – сказал Кандидат, – Михаил.

– Знаем, знаем! – заулыбался полковник. – Левин Михаил Аронович. Археолог. Кандидат наук. Декан факультета. Коллекционер древних рукописей. Обвиняется в подделке артефактов.

– Умней ничего не придумали? – спросил Михаил.

– Не скажите. Мир шоу-бизнеса вторгается и в наши пределы. Буду откровенен: не вы, к моему сожалению, возглавляете топ-список фальсификаторов. Вы пока на втором месте. А на первом – некто Одед Голан из Израиля. Не знакомы?

– Признаться, нет, – ответил Кандидат.

– Тоже обвиняется по статье «подделка артефактов». Кстати, что за слово такое? А? Я тут сопоставил ваши два дела и нашёл кое-что интересное. Но сначала хотел бы дать вам кое-какую информацию. Так сказать, из первоисточника. Из, как говорится, первых рук... – Полковник развернул ноутбук, и подвинул его к Михаилу. На него смотрел его портрет, под которым стоял заголовок статьи: «Русский след» в деле «Евангелия Мира от ессеев» (величайшая фальсификация XXI века).

– Вы позволите? – спросил Кандидат.

Полковник кивнул, но Михаил уже впился глазами в статью.

«Русский учёный М. А. Левин, известный в среде коллекционеров древностей как реставратор, изготовил точную копию свитков «Евангелия Мира от Ессеев» за день до того, как сам оригинал, о котором говорят, что это памятник письма Иисуса, был похищен из тайного

схрона. По словам учёного, хранитель свитков якобы собирался передать оригинал правительству Российской Федерации.

Русская копия

– Прочли? – спросил полковник, и Михаил молча кивнул.

– До сих пор было известно о единственном экземпляре свитков с таким названием – Евангелие Мира от Есеев. Знаете, где они находятся? – снова спросил полковник у Михаила. Тот неопределенно пожал плечами.

– Они сокрыты от мирских нескромных взглядов в хранилищах Ватикана. «Посажены» под замок. А с ваших слов выходит, что Ватикан обладает не единственным экземпляром, и даже не оригиналом, а копией! И к тому же – русской подделкой! – По выражению глаз Михаил видел, что полковнику эта версия очень нравится.

– Скажите, зачем нужно было вместо оригинала отправлять на экспертизу копию? Тем более собственноручно сделанную? Возможно, вы не совсем понимаете всю серьёзность вашего положения?

– Да, у Ватикана хранится копия. Ну и что? – Михаил пожал плечами. – Это всего лишь исторический казус. Русские монахи владели святыней от момента крещения княгини Ольги, вплоть до вторжения монгольских орд на Святую Русь. Времени для создания копий и их тиражирования было не так много, но достаточно, чтобы изготовить несколько штучных экземпляров. Святые люди предприняли всевозможные попытки для спасения реликвии. Считалось, что монахам удалось вывезти свитки за пределы Руси. Назад, в Константинополь. Но, по умыслу или провидению, вывезены были копии, тогда как сам оригинал остался на Руси и благополучно дожил до наших с вами дней. Согласитесь, предприятие было преопаснейшее. Ордынцы грабили и жгли русские храмы и сажали на колы божьих людей.

– Но не могли же рукописи, в конце концов, просто перепутать?

– А почему бы и нет? Это говорит о качестве работы русских монахов. Те, кто увозил свитки из Руси, не увидел подлога, а, быть может, только делал вид, что перепутал оригинал с копией.

– Скажите, – попросил полковник, – а какая цель была у этого Хазаринова?

– Хранителя?

– Да, хранителя этих свитков.

– Видите ли, существует пророчество, которое говорит о том, что в дни прихода Мессии все знания падут к ногам человечества. И все семь печатей падут, и раскроется смысл и суть вещей.

– И что?

– Хазаринов утверждает, что печати пали.

– То есть – время пришло? – спросил полковник, и Михаил пожал плечами.

– Оковы пали, – пропел полковник, – и Хазаринов больше не хранитель.

– Теперь он считает возможным ознакомить широкую общественность со свитками и их содержанием.

– Зачем нужна была такая точная копия?

– Такая точность даёт учёным всё необходимое для проведения комплексной экспертизы и сохранности оригинала.

– А почему он сразу не захотел передать оригинал?

– Оригинал, по сценарию Хазаринова, должен был появиться на последнем этапе экспертизы. При определении возраста артефакта и предполагалась передача оригинальных свитков в руки государственных лиц.

– Я тут побродил по интернету, – сказал полковник, поворачивая ноутбук и нажимая на ссылку, – и мне удалось напасть ещё на одну статью, где комментатор проводит параллель

между двумя событиями в криминальном мире. Мне, как ва-Шему куратору, это было очень интересно. Почитайте.

Михаил развернул компьютер к себе и прочёл:

«Подделка артефактов».

Ниже сообщалось следующее: «После многолетнего судебного расследования Иерусалимский окружной суд отказался признать гробницу с надписью „Иаков, сын Иосифа, брат Иисуса“ поддельной».

– Воды! – попросил Михаил, облизывая пересохшие губы. Опорожнив стакан, он впился в экран, жадно впитывая бесценную информацию.

«Коллекционер Одед Голан уверяет, что не обманывал общественность, и верит в подлинность своего сокровища, названного первым материальным доказательством существования Иисуса.

Коллекционер из Тель-Авива предъявил общественности оссуарий – так называют ковчег, в котором древние иудеи в течение небольшого периода времени, хоронили кости умерших. Оссуарий представляет собой прямоугольную коробку из камня, на одной из сторон которой есть надпись на арамейском языке: «Иаков, сын Иосифа, брат Иисуса».

По словам Голана, оссуарий он приобрел ещё в 1967 году, во время Шестидневной войны у араба, который занимался посреднической деятельностью между «чёрными» археологами и коллекционерами. А не торопился предъявлять общественности потому, что сомневался. Сомнения отчасти развеял французский лингвист и палеограф, профессор Сорбонны Андре Лемер. В начале нынешнего века он заверил, что выбитая фраза и по содержанию, и по характеру нанесения соответствует тому, как писали древние иудеи во времена жизни Иисуса Христа. Когда Голан отдал оссуарий археологам, они определили, что возраст ящика превышает 19 столетий.

Иными словами, его вполне могли изготовить и использовать в I веке нашей эры. Вывод очевиден: раз существовал брат Христа, то и сам он личность реальная.

Мировая сенсация заставила восторгнуться сотрудников израильского Управления по делам древностей. Они забрали оссуарий для экспертизы. Её провели профессор Тель-Авивского университета Юваль Горен и специалист Израильского геологоразведочного института Авнер Айалон. Их «приговор»: окаменевший известковый налёт, покрывающий ящик, отнюдь не такой древний, как на других известных артефактах I века. А тот, который имеется на стенках ящика, не соответствует тому, что на надписи.

В общем, по Горену получалось: либо сам антиквар Голан, либо тот, кто ему продал оссуарий – мошенник. Одеда Голана тут же обвинили, отправили в тюрьму, и по всему миру разнеслось сообщение о разоблачении «преступления века».

Следствие длилось несколько лет. Голана то выпускали под подписку, то снова закрывали. Обвиняемый отрицал, что занимался изготовлением подделок. Но в его доме был произведен обыск. И в коллекции обнаружили ещё несколько подозрительных изделий, которые полиция посчитала материалом, из которого Голан намеревался изготавливать новые «древние артефакты». Голан сумел настоять в суде на необходимости новой экспертизы, в том числе и на повторном исследовании независимыми экспертами известкового налёта, покрывавшего могильный ящик.

Экспертизу самого оссуария проводили опять в Израильском геологоразведочном институте. Но уже другие специалисты – не менее уважаемые Амнон Розенфельд и Шимон Илани. А саму надпись осматривал профессор университета Джонса Хопкинса из США, Кайл Маккартер, который безоговорочно подтвердил: особенности высеченного на гробнице текста всё-таки позволяют отнести его к I веку нашей эры.

Новые эксперты-геологи с выводами своих коллег-предшественников не согласились. Они признали, что такой известковый налёт на оссуарии вполне мог образоваться за два тыся-

челетия. Никаких микроорганизмов на надписи они не обнаружили... А различие налёта объяснили тем, что кто-то когда-то пытался очистить надпись с помощью растительных или химических средств.

Судья постановил, что следствие в течение шести месяцев должно найти новые доказательства вины Голана или его полностью оправдают. Все уверены, что никаких новых фактов уже не откроется. Учёный мир раскололся, и у каждой стороны есть свои весомые аргументы. Важно понять: действительно ли найдено первое материальное свидетельство земной жизни Иисуса Христа или же это простое совпадение? Первым учёным, обследовавшим оссуарий, был профессор Сорбонны Андре Лемер. Он же и попытался подойти к этому вопросу с другой стороны. В I веке в Иерусалиме, где тогда жили около 40 тысяч человек, имена Иисус, Иосиф и Иаков были достаточно широко распространены. Призвав на помощь статистику, теорию вероятностей и историю, Лемер подсчитал: в то время примерно у 20 Иаковок могли быть отцы Иосифы и братья Иисусы. В то же время, – указывает исследователь, – археологи обнаружили сотни оссуариев, но только на двух из них написаны имена братьев покойных. И на этом основании он предполагает, что братья упоминались лишь в том случае, если они были необычными людьми. Например, как Иисус Христос. Сам Лемер не утверждает, что его выводы верны на 100 процентов. Он говорит лишь о «большой вероятности» того, что в оссуарии действительно когда-то хранились останки брата Спасителя».

Георгий АНДРЕЕВ. По материалам lenta.ru. На снимках: Одед Голан с оссуарием.

Тюремный «продюсер»

– Вот, значит, как! – сказал Михаил.

– Газетчики, – посетовал полковник, – никакой глубины. Только хватка бульдожья. А хотите чаю?

– Спасибо, мне бы ещё водички... – Полковник налил в стакан воду из графина и протянул Михаилу. На этот раз он пил воду с наслаждением.

– Значит, согласно приговору Иерусалимского окружного суда, Иосиф и его сыновья Иаков и Иисус будут признаны историческими личностями?

– И что это даёт вам? – искренне поинтересовался полковник.

– Что даёт? – переспросил Михаил. – А то, что теперь Иисус как личность станет обретать кость и плоть, заявляя права на своё наследие в на-Шем мире. Но приговор Иерусалимского окружного суда пока ещё не вошёл в силу.

– Иисус скоро сам всё предъявит, – загадочно сказал учёный и улыбнулся.

– Ну, а пока этого не произошло, – не менее загадочно улыбнулся полковник, – и Оded Голан, и вы находитесь в тюрьме. И знаете почему?

– Значит, это кому-нибудь нужно! – ухмыльнулся Михаил.

– Так сказал когда-то поэт. Красиво, но неопределённо. Хотите, мы попробуем разобраться – кому конкретно это нужно?

– Хочу.

– На все вопросы не отвечу, но чем смогу – помогу.

– Сашка Бубен, – осторожно назвал имя Михаил.

– Я вижу, вы зря времени не теряете. Похвально! Ну, что ж. Извольте. Бывший бизнесмен. Игрок. Промотал чужие деньги. Был вызван на стрелку с одним авторитетом по кличке Кольт, – полковник внимательно посмотрел на Михаила, но тот внимательно слушал его, не проявив никаких эмоций.

– Под железнодорожным откосом была найдена обгоревшая машина. В ней три трупа. Личности погибших установлены. Это агент ФСБ Юрий Иванович Желудёв, известный в криминальном мире под кличкой Кольт, и двое его телохранителей из криминального мира – Сергей Николаевич Лапузин (Пузо), и Владимир Григорьевич Кожин (Жмых). Уцелевшие фрагменты с места аварии содержали отпечатки пальцев Бубенцова Александра Ильича (Бубна), а также следы его крови.

– Где он сейчас?

– Освобождён.

– Значит, он не убивал?

– Как выяснило следствие, джип Кольта грубо нарушил правила дорожного движения. Кольт пытался проскочить железнодорожный переезд при закрытом шлагбауме. В результате, машину снёс состав. Бубен был свидетелем происшествия. Он подобрал кое-какие вещи с места аварии. Среди них – ваши свитки.

– Это не мои свитки, полковник... И что он с ними собирается делать?

– Он уже передал их заказчику и получил расчёт. Но, похоже, в его планы не входит возвращать деньги ни вам, ни кому бы то ни было.

– Полковник, я повторяю. Это не мои свитки, – простонал Михаил, – клянусь, что это так. И денег я за них не ожидаю.

– Минуточку! Что значит – не ваши свитки? – недовольно произнёс Сергей Валерьянович. – Вы же дали показания, что собственноручно изготовили свитки. Так?

– Так.

«Вот и прекрасно, – пронеслось в голове „продюсера“, – больше ничего не нужно». Полковник прикусил губу и сказал:

– Я буду заниматься этим очень серьёзно. Статьи читали? – Михаил кивнул. – Наши специалисты работают. Так что? Говорите, ваше изделие пропало за день до того, как были похищены оригинальные свитки?

– Да.

– А как вы объясните то, что ваш сын в Израиле прогуливается рядом с человеком, представляющим рынок «чёрной» археологии? – полковник ткнул пальцем в фотографию, на которой были запечатлены Хаим бен Цион, Антон и Ашан.

Бен Цион был в кипе, строгом костюме, белой рубаше с галстуком. Антон был без Женьки. Глаза его скрывали тёмные очки, одет он был в лёгкую просторную футболку и шорты. На ногах – сандалии. В руках Антон держал чемоданчик, на который не отрываясь смотрел кто-то, облачённый в традиционное платье бедуина.

– Что это за игры? – поинтересовался полковник. – Вы можете выказывать, таким образом, неуважение к следствию, но не к собственному патрону. Давайте уже сотрудничать, и перестаньте вести меня по ложному пути. Человеку в ва-Шем положении следовало бы быть несколько мудрее.

– У Антона – копия, снабжённая заключением о том, что это единичное тиражирование оригиналов свитков, находящихся в работе отдела древностей Института Археологии ДВО РАН. Сам Хазаринов настоял на заключении экспертизы.

– Зачем ему было нужно это? – не мог взять в толк полковник. – Создание копии, привлечение израильских экспертов? Что это за ход такой? И почему вы сразу всё это не рассказали?

– Потому что к свиткам было приложено моё заключение.

– Теперь понятно.

– Испугался.

– Вы говорите, что Хазаринов собирался передать свою тяжкую ношу в руки учёных. Кому конкретно?

– Мне.

– И почему он этого не сделал?

– Не успел. Оригинал похитили.

– А не хотел ли он заменить оригинал вашей копией?

– Вы считаете, что кто-то мог подговорить старика сделать копию с целью подмены?

– Да, именно это я и думаю. Ведь, насколько я понял, ваша копия фотографически точна.

– Я не считаю, что на старости лет Хранитель выжил из ума. И не думаю, что, столько лет оберегая реликвию, старик решил напоследок подзаработать.

– Заказал у вас копию, – стал загибать пальцы полковник Скрипник, – получил заключение учёных о том, что свитки не являются оригиналом...

– Ход ваших рассуждений понятен. Только, извините меня, это не ход мысли, а полное отсутствие здравого смысла!

– Ладно... скажите, а что вы ощутили, когда получили такой заказ?

– Я радовался!

– Чему вы радовались?

– Тому, что у меня снова появилась работа.

– Это в каком же смысле?

– В смысле, что к тому времени я уже год как не работал. Сидел дома, раздражал всех своим бездействием.

– Значит, решили подработать.

– Я зарабатывал на кусок хлеба! Мне платили мою преподавательскую зарплату за каторжную работу. Но всё равно, это был праздник. Осознание того, что за две тысячи лет

я буду третьим, кто изготавливает копии этих свитков, вселяло в меня мистический холодок. Иногда я замечал, что работа идёт сама, помимо моей воли, а порой – и без моего участия.

– Как такое возможно?

– Я тоже раньше не наблюдал за собой такого. Но то, что я видел во время работы, меня сильно... как бы сказать помягче?

– Позабавило, – попробовал угадать слово полковник.

– Да, полковник, позабавило и порадовало. Я не вникал, почему это происходит. Я был счастлив от того, что работа продвигалась легко и без осложнений.

– Результат хранителю понравился?

– Да. Очень!

– А он вам не говорил, насколько ваши свитки близки к оригиналу?

– В том-то и вся фишка, что мне удалось создать фотографически точные копии свитков, хранившихся у старика. Но разница всё равно есть. Мои копии – свежие, а оригиналы – от тысячи до двух тысяч лет.

– А что старик? Хазаринов?

– Он тут же вернул мне копии и попросил показать их экспертам.

– И что сделали вы?

– Написал специалистам в Израиле и, снабдив копию бланком ДВО РАН с заключением экспертизы, передал свитки сыну.

Полковник встал и, подойдя к окну, одёрнул штору, а Михаил снова слышал неистовую силу ветра.

– Когда-нибудь такой же ветер снесёт нас нахрен с этой сопки! – сказал полковник.

– Да вы поэт! Сергей Валерьянович! – воскликнул Михаил, удивляясь тому, что часом ранее он сам похожими словами передал суть настроения, овладевшего полковником.

– Как вы думаете, – спросил полковник, зябко задёргивая штору, – почему Голан так долго не предъявлял своего приобретения?

– Наверное, не спешил верить в удачу. Представьте себя на его месте. Вы отдаёте оссуарий на экспертизу археологам. А те определяют, что возраст ящика насчитывает два тысячелетия. Так?

– Так.

– И что потом?

– Результаты экспертизы – хороший повод обнародовать находку, – замечает полковник, – сделать сенсационное заявление, создать ажиотаж. Реклама, пиар.

– Наверное, вы правы.

– Нужно грамотно всё построить на том, что Израильский окружной суд признал не только подлинность ковчега, но и само существование Йакова, Иисуса и их отца – Иосифа.

– Очень многих это приведёт в смятение.

– Вы думаете? – спросил полковник. – Их приведёт в смятение то, что найдётся сила, которая не позволит опорочить ни находки, ни их владельцев. И никто тогда не посмеет назвать нас с вами ни мошенниками, ни корыстолюбцами.

– Полковник, миру придётся признать Иисуса личностью, а не мифом. И тут нужно будет не просто свергать все наши лживые идеалы, а конкретно переписывать историю.

– Мне нравится ваш творческий подход к делу. Будем возвращать истории истинный образ Иосифа и подлинные личности его сыновей: Иисуса и Йакова. Их окружение, их родных, и по-настоящему близких людей – семью.

– Полковник. Это неожиданное предложение.

– Вы в чём-то сомневаетесь?

– Готов ли мир к такому повороту событий?

– Курите, – предложил вместо ответа полковник, протягивая пачку «ЛМ».

– Спасибо. Сергей Валерьянович, в статье сказано, что израильская полиция обнаружила среди коллекции ещё несколько подозрительных изделий. Есть подробности?

– Полиция говорит, что представить их суду не решается. Пробуем выяснить по своим каналам, о чём идёт речь. Есть подозрения, что этими опасными доказательствами могут стать не менее сенсационные находки, приобретённые коллекционером у тех же «чёрных» археологов. Вы с Голаном мало кого интересуете, – сказал полковник, выразительно глядя на Михаила, и добавил: – Вы оба оказались в центре борьбы большой политики. И никому не дано знать, поторопится ли Православная церковь признать истинность ковчега Йакова, и когда она определит своё отношение к свиткам ессеев. Но и там вскоре грянут перемены. И новому Патриарху уже неизбежно придётся высказать свою позицию.

– Я не буду ждать признания свитков церковью! Я буду требовать пересмотра дела теперь же.

– На основании чего?

– На основании последнего решения Израильского окружного суда.

– Это будет не так-то просто. И потом, придётся связать два дела воедино, доказав, что свитки ессеев также являются материальным подтверждением реальной исторической личности Иисуса. Но это при условии, что отыщется оригинал.

– Сергей Валерьянович, я так понимаю, что выпустят меня нескоро, – грустно заключил Михаил.

– А куда вам спешить? – спросил полковник с улыбкой. – Ловить похитителей? Пусть этим занимаются соответствующие службы. А вы посидите у меня. Целее будете. Своё дело вы сделали. Включили серьёзные механизмы. Дайте им исполнить свою работу. Подумайте о предстоящих заявлениях и выступлении в суде. Я распорядился, чтобы вам создали все условия для работы. Вас поселят в медчасти. Передадут ноутбук. Допуск к Интернету по беспроводной связи. Одна просьба: нигде не светиться. Скоро прилетит из Москвы ваш адвокат, и тогда – пожалуйста: форумы, дискуссии, ваша страничка, «Альтернативная история», требования признать Тибетское Евангелие... а пока не светитесь. Обещаете?

– Обещаю.

– Я вам почему-то верю. Если мы будем действовать сообща – кто знает, может, наши старания будут не напрасны? Как думаете, Михаил Аронович?

Тот неопределенно пожал плечами.

– Поэтому ещё раз прошу: не светитесь. Пока. До поры, до времени.

– Сергей Валерьянович, а почему вы мне помогаете? Из-за денег?

– Потому что меня об этом попросили, – хохотнул полковник. – Историей ваших свитков заинтересовались на самом верху. Так что, ждать развития событий придётся недолго. И денег тоже. Президент ждать не любит.

– Президент? – присвистнул Михаил. – Сергей Валерьянович, а я могу поговорить сейчас с президентом?

– Думаю, у вас будет такая возможность, – серьёзно сказал полковник. – Но не сегодня.

– Полковник, а сами-то вы, что по этому поводу думаете?

– Что думаю? Что подлинность находки Голана, возможно, в итоге подтвердится. Возможно, и мы вернём России подлинный текст Евангелия, написанного рукой исторического Иисуса. Возможно. И будем этим по праву гордиться. Но как отразятся эти знания на миллионах верующих? Думаю, эти находки не прибавят им ни знаний об Иисусе, ни веры в него. Ковчег – это всего лишь коробка, в которой хранились останки Йакова, его брата.

– Весть Иисуса предпринимает вторую попытку спасти мир!

– Второе пришествие? Вы сами-то верите во всё это?

– Безусловно! А вы, Сергей Валерианович?

– Приказ будет – поверю.

– Хорошо сказано, полковник.

– Я человек военный и, соответственно, убежденный атеист. Для меня Бога нет, а есть средневековье, в которое нас погружает религия. Моя жена твердит, что я невежда, а между тем – в церковь по выходным из дома сбегает. А после работы в дом войдёшь, а там точно умер кто. Прости Господи! Свечи горят, сама в платочке, ладаном всё провоняла, стоит перед распятием на коленях и плачет. Вот такое чёрно-белое кино. А чего плачет? Как-то я спросил, а она возьми да и ляпни: мол, как это он своих мучителей простил? Вот я бы, говорит, тебе ни за что не простила. Ну, каково? Хоть из дома беги. А ведь двадцать три года вместе. Вот тебе и невежество... – полковник закурил. – Ладно, – сказал он, – допустим, я невежда. Кстати, что за слово такое?

– От старорусского «вежды» – глаза. Невежественный – значит, незрячий.

– Вот, значит, как! – ухмыльнулся полковник. – А вы, значит, зрячие... И что же вы, зрячие, можете сказать о христианском учении?

– Что доктрина искупителей жертвы кровью Иисуса – это реакционная реабилитация человеческих жертвоприношений.

– Вот так, значит? Готовая формула в кармане.

– Значит так.

– А мы, выходит, теперь будем реабилитировать тех, кто был обвинён зря? Достойная задача. Я бы сказал – миссия. Благородно. Но стоит ли при этом обвинять других?

– Зачем обвинять? Просто назвать праведников – праведниками, а убийц – убийцами.

– Нет! Так нельзя. Так и до гражданской войны дойдёт. Вы же знаете наш народ. Чуть что – и хаты палить. Мы лучше переместим внимание туда – на Ближний восток... И на самую личность Иисуса. Восстановим, так сказать, исторический портрет.

– А как быть с портретами тех, кто его окружал?

– Об этом мы ещё подумаем, – сказал полковник, – здесь клип не пройдет. Здесь нужно большое развёрнутое полотно. Кино. И не чёрно-белое, а – цветное. С деталями, подробностями. Чтобы дети хотели стать не космонавтами, а Иисусами, чтобы у подростков от Иисуса срывало крышу, как от крэка. Чтобы не только девушки, но и их родители влюблялись в него. Нам предстоит влюбить не только в образ, но и в другую его историю, неизвестную большинству. И в эту историю должны будут влюбиться подростки, родители подростков и их родители.

– Замечательные планы, полковник.

– Но прежде ты мне скажи по совести: куда мы денем Пилата? А? Ведь я себя рядом с тобой сегодня ощущаю Пилатом. Возможно, Иисуса казнил Понтий Пилат, а вовсе не евреи. Допускаю! Тем более говорят, что Рим его снял с прокуратурства за излишнюю жестокость к местному населению, – полковник хитро ухмыльнулся. В эту минуту он здорово был похож на настоящего белого медведя. И вот медведь заревел:

– Но скажи тогда мне главное: почему народ не поднял восстания за своего царя? Почему не отбил своего Мессию?

– Судя по тому, что на крестах висели zeloty, – сказал Михаил, – а ещё один zelot был отпущен в качестве доброй воли прокуратора, восстание было. И его столь жестоко подавили, что решили вычеркнуть это событие даже из истории Рима. Из новозаветных историй складывается ощущение всеобщей тревоги, но из неё ушли ключевые события. Это помазание на царство Иисуса, вызвавшее всеобщее воодушевление и стихийное восстание, которое он не успел возглавить. Его арестовали. Но и тут не застали учеников Иисуса врасплох. Они были предупреждены Учителем и вооружены двумя мечами. В сцене ареста римляне оказались пострадавшей стороной. Отрезанное ухо римлянина – кровавое подтверждение сопротивления властям при аресте. Иисуса казнили как предводителя смуты. И табличка на кресте о том, что это царь Иудейский, тому подтверждение. Распятие стало всеобщим напоминанием о том, что может статься с любым, даже с мессией, если нарушит волю Рима.

– Значит, преступление Иисуса состояло не в искажении религиозных догм, а в том, что он подбивал массы к мятежу?

– Точно. Зелоты не признавали назначенных первосвященников, служивших в Храме, и стремились вернуть истинных служителей – «сынов Аарона» из колена Левитов. Для них и всего народа это был единственный законный род священников.

– Знаете, Михаил, – сказал полковник, – скажем, еврейский суд признает Иисуса Христа исторической личностью. Но для миллионов верующих это равным счётом ничего не меняет. Их вера основана не на доказательствах, а на чём-то другом, на чём-то, что лежит вне пределов исторической логики. И не в чуде вера, а как раз наоборот – сама вера является чудом.

– Вы, полковник, говорите словами апостола Павла.

– Правда? – удивился тот. – И что?

– Говорят, у Павла не сложились отношения с Йаковом, «братом Господним». Настолько не сложились, что Павел, как бывший стратег карательных экспедиций против «первых христиан» – ессеев, предпринял попытку физического устранения Йакова.

– Интересно. Очень интересно... – глаза полковника ввинчивались в зрачки Михаила. – Нельзя примирить непримиримое. Да? Хотите попробовать? – спросил полковник, гася окурки и поднимаясь. А Михаил почувствовал скрытый вызов, и жестяной взгляд начальника тюрьмы вернул его в реальность, где вся вселенная была заключена в пространстве тюрьмы.

– Что-то я устал, – сказал полковник, – на сегодня достаточно. Знаете, работа превращает меня в животное. – Полковник вышел из-за стола и добавил: – Рад был беседе. О Павле у вас будет с кем поговорить. Сейчас, как я уже сказал, вас переведут в санчасть. Отдыхайте, чувствуйте себя как дома.

– Спасибо вам, Сергей Валерьянович.

– Конвой! – крикнул полковник Скрипник, приветливо кивая Михаилу. Дверь кабинета распахнулась, и на пороге возникла фигура конвойного. Тот подошёл к полковнику и о чём-то доложил на ухо.

– Заключённый Левин! – окликнул полковник Михаила. – А что это все про видение говорят? Это что, правда? Или какой фокус? Может, вы тоже у нас гипнотизёр?

Михаил посмотрел на полковника с удивлением. Он протянул руку в сторону окна, куда-то указывая пальцем. Полковник и конвойный увидели одну общую картину, на которой...

...с двух сторон сходились на последнюю битву две невиданные равные силы: дети Света и дети Тьмы. А некто спускался на белом облаке на землю... И был он в белых одеждах, что белее белого, белее снега зимой.

И замкнул черёд последний Левит из призванных. И вышли в след ему сыны колена Иуды, а за ними и сыны колена Вениамина. И вставала черед за чередой. И обращали воины лица на все части света. И сияли на солнце их щиты, и блестели значки, и светились цветом спелой пшеницы золотые колосья пик и секир. И слова «Ободрения пред боем» вселяли священный трепет в сердца людей. Те слова жадно ловили и в стане, и за его пределами. Те слова повторяли дети и женщины, старики и молодёжь. Те слова западали в сердца воинские, заставляя их биться чаще.

– Не бойтесь, – говорили священники слова Господа, и указывали в сторону, где сгушалась тьма, – и да не ослабеет сердце ваше; не содрогайтесь и не ужасайтесь пред ними, ибо ваш Бог идёт с вами воевать за вас с вашими врагами, чтобы спасти вас!

И слышали те слова Господа во всём стане. И матери снова и снова обращали их к своим сыновьям, к своим неразумным чадам, к богатырям войны, чтобы укрепилось их могущество тем словом. И стояли воины щедрого сердца лицом к лицу с нечистью. И звучали в их душах эхом долетевшие из родных, поутихших в тревоге городов и из воинских станов торжественные слова «Наставления перед боем».

И воспрянули ослабевшие сердцем. И сплотились доблестные воины. И заняли о начале битвы трубы. Прозвучали долгой, непрерывной нотой, в которой рокотало обещание не забыть о тех, кому выпал жребий быть скошенными в Его жатве, кто колосом спелым поляжет перед Всевышним в битве Его.

О фарисеях в лазарете

– Лазарь! – кричит конвойный. – Отчиняй лазарет. Принимай пациента!

У решётки неспешно появляется мужчина лет шестидесяти. В руках у него тяжёлая связка ключей. Он шумно открывает решетку, отсекающую санчасть от общего коридора, и с любопытством глядит на Михаила.

– Чифирчику не угодно? – спрашивает Лазарь у конвойного сержанта и тихо, как-то по-домашнему, добавляет: – Кипяточек на подходе.

– Потом попьёте, – отмахивается сержант, – а сейчас слушай приказ начальника тюрьмы полковника Скрипника: больше в санчасть – никого, ни ногой, ни носом!

– Ни ухом, ни рылом, – улыбнулся Лазарь.

– Что? – спросил конвойный.

– Чирьи, спрашиваю, прошли?

– Куда там! – махнул рукой солдатик.

– Плохо, Никита. Нужно переливание крови делать.

– Ты же знаешь, Лазарь, что я уколов боюсь.

– Ну, хозяин – барин, – сказал фельдшер, указывая на двери, – ходи так.

– Да ты чё, Лазарь?

– Освободи лазарет, – серьёзно произнёс фельдшер и выставил охранника из кабинета, – приказ начальника тюрьмы, Никита. Ничего личного.

Никита обиделся и сильно хлопнул железной дверью.

– Павел Израилевич Савелов, – представился фельдшер, запирая решетку на большой амбарный замок и добавил: – Погоняло Лазарь.

– Михаил Аронович Левин. Кандидат. Скажите, Павел Израилевич...

– Лазарь.

– Лазарь. Значит, тюремную больничку из-за вас лазаретом называют?

– А что? Мне нравится это старое название. В нём всё – и Господь, и воскрешённый Его сыном Лазарь. В тюрьме на медицину надежды нет, если не верить в Бога и в то, что только он способен и воскресить, и покарать. Вот ты, Михаил, в Бога веруешь? – фельдшер посмотрел на Михаила, а тот отвернул глаза.

– Понятно, – вздохнул Лазарь, заливая кипятком до половины наполненные чаем большие железные кружки. На столе появился кусковой сахар.

– Это у меня наследственное, – пояснил Лазарь, обжигаясь чифирем. – Бабка очень любила кусковой сахар. С детства привык. Ты пей. Его пока горячий надо вкусить. Остынет – превратится в отраву.

Михаил поднёс кружку к губам. Горячие края обжигали, в лицо бил жар облака, насыщенного запахом выпаренного из листьев чая кофеина. Терпкий вкус чифиря вызвал тошноту. Михаил скривился, но заставил себя сделать ещё глоток.

– Я вырос у бабки с дедом, – говорил Лазарь, – они очень любили меня, баловали, хотя с отцом у них отношений не было никаких. Старики воспитывали меня в традиции. Сами понимаете. Я был примерным еврейским ребёнком, и очень старался. Потом, когда родители забрали меня от стариков, я увидел как им неудобно со мной и «с той дурью, которую вбили мне в мозги старики». Я чувствовал, как родителям было непросто ужиться со мной. И я страдал. Сами понимаете. А когда видел, как раздражаю их своей тоскою – страдал ещё сильнее. Потом мне всю жизнь не хватало свободы, в которой меня воспитали дед и бабка. Понимаете?

– А что родители? – спросил Михаил, с трудом ворочая, задубевшим с непривычки к чифирю языком.

– Моим родителям не доставало «стержня», который был в этих стариках. Я долго не мог понять, что их так отличает, а потом понял: стержень. Отец очень ревновал меня к своим родителям. Даже на расстоянии – он злился, когда я напоминал ему о них. А я трудно привыкал к разлуке с дедом, а ещё больше – с бабушкой. Я и теперь помню всё, чему они успели обучить меня в детстве. И, когда я понял, что в жизни больше не узнаю такой любви, я возненавидел их. Понимаете? Они показали мне такую любовь, которой я не находил ни у родителей, ни у кого бы то ни было. Они испортили меня этой любовью... и Богом. И у меня был Бог и любовь, а потом оказалось, что ни того, ни другого в мире нет. Есть родители и послушание. Но я уже не был согласен на меньшее.

– Павел Израилевич...

– Лазарь. Называй так. Лазарь. Кликуха мне нравится больше имени.

– Комплексы, тянущиеся из детства?

– Да, комплексы. Только не мои, а родительские. Вопреки мольбам стариков, отец назвал меня Павлом. Он объяснял свой поступок всегда одинаково, говоря, что его будущие внуки не будут стесняться своего отчества.

– Этот ужас всю жизнь преследовал его?

– Да, страх собственного имени. Назови горшком – отзовётся, лишь бы не по имени. Вы понимаете, что и как происходило с ним? Я сказал ему, что не стесняюсь своего отчества, а отец раскричался. Так я узнал, что его имя Израиль означает «что-то неприличное», и что отец всю свою жизнь страдал от родительского произвола. Я не мог поверить в то, что дед, такой добрый, мудрый и справедливый ко всем, мог стать причиной таких страданий. И, когда я спросил об этом у деда, он разрыдался. Бабка потом рассказала мне, что дед и она с гордостью давали это имя своему первенцу, потому что для всех евреев имя Израиля свято. Вот так я и узнал, что мы евреи, а Израиль – земля, заповеданная евреям. Я спросил у отца, почему он не уедет в заповеданную ему землю, чтобы не страдать от неправильного отчества на неправильной земле? А он замахал на меня руками и закричал, что об этом не говорят вслух. Он ругал моё воспитание и деда, который сбивал меня с пути сионистскими идеями... Так я узнал про сионизм. Моя мать была женщиной красивой, но необразованной. Они познакомились с отцом на первомайской демонстрации. Мама была во всём белом, и к русым её волосам была пришпилена веточка распустившейся сирени, а из рук её рвался в безбожное интернациональное небо воздушный шарик. Она беззаботно стояла на обочине и наблюдала за колонной людей, в которой отец ехал на велосипеде. Он вез транспарант «МИР – ТРУД – МАЙ». В холсте было прорезано узкое окошко, дающее небольшой обзор, необходимый для перемещения на малой скорости в составе колонны. Короче, папа не заметил, когда мама вдруг стала перебегать дорогу. В узкую амбразуру он видел лишь то, как регулировщик замахал жезлом, и колонна взбодрилась, вздохнула, подхватила ритм марша и ринулась на финишную прямую. Он видел ноги, бегущие по брусчатке городской площади к черте, за которой праздничная колонна превращалась в демонстрацию, шествующую мимо выстроенных за ночь трибун, на которых разместилось партийное руководство города. Сами понимаете, он «наддал», и его транспарант столкнулся с девушкой. Отец свалился с велосипеда, разорвал холст и, как орден, припал к пышной груди моей красавицы-мамы. Так в семье сына бывшего раввина и рязанской язычницы появился на свет я. Интернациональное безбожное небо и дружба народов! Крепкий замес. Когда от бабки по материнской линии я узнал, что Павел – это не просто имя, а имя апостола, то полез в Новый завет, чтобы прочесть о своём покровителе и защитнике. Мне нравился он... его слова, сказанные о любви. Мне вдруг показалось, что с самого момента рождения я чувствовал в себе именно его кровь, её ток и ту страсть, которую он привнёс в христианство. Когда я поделился этими мыслями с раввином-дедом, тот пришёл в замешательство и, ничего не говоря, полез в секретер и достал оттуда свиток бумаги.

– «Посмотри на наше генеалогическое дерево», – сказал он. Взглянув, я увидел, что рядом с моим именем стоял прочерк, и спросил его, что этот прочерк означает. И дед сказал мне: «Это значит, что если ты, как и твой отец, женишься на шиксе, то твои дети уже не будут принадлежать к древнему роду фарисеев».

– Как? Вы из рода фарисеев?

– Так утверждал мой дед.

– И что, его угроза подействовала? Вы всё ещё принадлежите к роду фарисеев? – зачем-то спросил Михаил.

– Нет. Я женился на шиксе, – рассмеялся Лазарь.

– Ну, хотя бы по любви?

– Тогда казалось, что это любовь. А вышло недоразумение.

Зато теперь я понимаю то, что в свое время говорил мне дед. Ещё он говорил, что без любви человек трескается, как земля пустого колодца, что теряет свою сущность, и тогда герой становится насильником, праведник превращается в диктатора, а мудрец оборачивается циником.

– Ну, и что вам говорит ваше понимание относительно себя лично? – спросил Михаил. – Вы здесь, наверное, ощущаете себя именно богом.

– Признаюсь, это так, – рассмеялся тюремный фельдшер, – но только временами. Большую часть своей жизни я был Его противоположностью.

– Не может быть!

– Представьте. Моё желание веры обернулось трагедией выбора: в кого верить? В Иисуса, о котором рассказывал Павел, или же в Бога, о котором говорил сам Иисус?

– А что говорят фарисеи?

– А что – фарисеи?

– На их практиках построен весь современный иудаизм.

– Конечно, – усмехнулся Лазарь, – ведь другие секты с их помощью просто исчезли.

– Согласен! Это не говорит в пользу фарисеев. На пути к доказательствам превосходства они развязали братоубийственную войну, чтобы, вступив в сговор с римскими властями, подавить противника, занять власть и получить священство как должность, а с ним – и реальную власть, которую можно обратить на сведение счетов с несогласными, которые требовали вернуть священнодействие священникам.

– Ваши познания весьма завидны, – сказал Лазарь.

– Это моя профессия. А я так понял, вы не питаете приязни к фарисеям? – улыбнулся Михаил. – Почему? Ведь согласитесь, ваши родичи – это не узколобые фанатики и лицемеры! Они сохранили религиозные практики, которые стали нормой для всех новых поколений евреев.

– О ком это вы так говорите? – удивлённо спросил Лазарь. – О рабби Йоханане Бен Закае? Для защитников Иерусалима он был предателем, достойным смерти. А для защитников Гамалы таким иудой стал Иосиф Флавий. Кстати! Вот ещё с кем давно хотел разобраться, так это с Иудой.

– А что с ним разобраться? – Чифирь разобрал Михаила, вызывая в нём приступ говорливости. – «Евангелие от Иуды» гностиков изображает Иуду как единственного ученика, кто приблизился к пониманию сути Учителя и его учения. Просто, машина истребления лучших, работала безотказно.

– Храм разрушен, – сказал Лазарь, – Синедрион казнён, учитель Иисуса – Иоанн – обезглавлен. А сам Иисус распят. Иуду из героя превратили в предателя, заодно предали проклятию весь род иудеев, а брату Иисуса, – первосвященнику Йакову, – проломили голову и сбросили с лестницы Храма, чтобы тот не мешал обоготворять человека, превращая Иисуса в Христа.

А его женщину – Марию – определили в шлюхи. И всё это род, который Иисус называл порождением ехидны.

– Мы несколько удалились от темы предательства, – сказал Михаил. – Иуда не был предателем, он был обвинён в предательстве теми, кто постарался очернить всех лучших из окружения Иисуса.

– Да, – с восхищением крикнул Лазарь, не пряча улыбки, – на мой взгляд, Петр, трижды отрекшийся от Иисуса, и должен был стать символом предательства.

– Согласен. Важны не определения, важны поступки.

– И пусть священник, предавший народ в трудную минуту, не называется предателем?

– Пусть не называется, лишь бы, не дай Бог, его никто не назвал спасителем иудаизма.

– Когда ученики рабби Йоханана Бен Закая вынесли его из окружённого города и представили для поклона Веспасиану, – говорит легенда, – он потребовал за послушание отдать ему город Явнэ. Так он стал основателем школы мудрецов. Говорят, что это была новая вероотступническая школа, воспитавшая на искажённом законе поколения раввинов, уча истории по книгам такого же предателя и вероотступника Иосифа Флавия.

– Согласен с вами. И предводителя восстания, перешедшего на сторону врага, никогда больше не назову историком и летописцем.

– В его записях хозяин всегда прав.

– Не думал я, что мы так скоро перейдём к Павлу, – Лазарь лукаво глядел на собеседника. Затем он слишком резко встал, запахнул белый халат и отворил форточку.

– Вы правы, для полноты картины нам остаётся назвать ещё одного предателя из фарисеев, – сказал Кандидат.

– Савл. Он состоял на военной службе у назначенного Римом первосвященника Анании.

– Точно! И прежде, чем создать поэму о любви в послании к коринфянам, он возглавлял карательные экспедиции против первых христиан, обагрив руки их кровью. Это он внёс раскол в ряды сподвижников Иисуса. Это он оторвал Иисуса от своего народа, от Закона, которому тот служил, и от Его учения, создав религию веры в противовес гностическому Знанию.

– Вот и выходит, – ответил Лазарь, улыбаясь, – что фарисеи не только исказили иудаизм, но и в противовес ему построили новую религию для неевреев, где все беды исходили от иудеев и их еврейского Бога.

– Какое глубокое проникновение, – удивился Михаил.

– Комплексы детства – великая сила, – улыбнулся Лазарь, обнажив почерневшие от чифиря зубы.

– Значит, Лазарь, выбор сделан?

– Не знаю, – ответил он не сразу, – одно определённо, что я – не Павел, и никогда не был готов разделить с ним его чёрное дело...

Кумран. История свитков

Кумран, или как его называли бедуины Город двух лун, стоял у развилки дорог. Та дорога, что влево – вдоль Моря соли, вела к Иерусалиму. По той, что вправо, приходили караваны из самой Индии. Место было тихим и пустынным, не считая крепости, где нёс службу Иерусалимский гарнизон. Мало кто знал, что за стенами этой крепости находилась знаменитая Дамасская Пустошь – эзотерическая школа иудеев.

Вода в каменной пустыне была чудом. Она собиралась в период зимних дождей. Мастера города умели направлять потоки воды из русел сезонных рек в хитроумную систему водоёмов. Отстоянная вода по акведуку попадала в город. Плотины и весь комплекс каналов были под охраной внутреннего гарнизона.

О жителях Пустоши поговаривали как о племени магов, вызвавших своим колдовством разрушительное землетрясение и сильный пожар. Город сильно пострадал. Но странное дело, община восстала из пепелища, упрямо не желая оставлять насиженное место. Город отстроили заново, обживая, точно готовя его для каких-то событий.

Солнце восходило со стороны Моря соли. Оно коснулось лучами массивных ворот крепости, отразилось в оконце высокой башни форпоста и заглянуло в пристройку. В гончарной мастерской, у бассейна с глиной, несколько человек сгружали тяжёлые мешки. В печах пылал огонь, обжигающий горшки и кувшины, а из вечного тумана прачечной доносились визгливые женские голоса. Утро в Городе двух лун началось. Наёмные работники покидали свои шатры, спеша на работу в крепость, а на базарной площади уже шла бойкая торговля. В два потока шли по каменистой дороге навьюченные ослы и верблюды. Один конец дороги упирался в горную гряду, а дугой – сливался с Иерусалимским большаком.

Пробуждалась и сама крепость. Её ворота отворялись, выпуская дозорный отряд и пропуская возы с зерном к закромам и мельницам. Первый бесплатный лоток с лепёшками прямо из пекарни. Его выкатили мальчишки-подмастерья. Народ с базарной площади кинулся к лотку и вмиг всё расхватал. Из трубы кузницы вырывался едкий дым плавильной печи. Ветер уносил его, забивая запахом свежего навоза и сдобы.

Человек в грязном халате стремительно бежал через базарную площадь. Он едва успевал переставлять ноги, чтобы не попасться в лапы двух стражников, бегущих за ним по пятам.

Он расталкивал людей, и те сильно усложняли стражам преследование.

– Нет! – кричал он, унося ноги. – Вы не zeloty. Я ошибся! Вы – бабы, сукины дети!

Покинув базарную площадь, он оглянулся и увидел, что стража отстала, прекратив преследование. Сменив бег на семенящий шаг, беглец направился в сторону коновязи. Тяжело дыша, он провозился с узлом на вожжах и, наконец-то запрыгнув на осла, так наподдал ему, что бедная скотина понесла его поскорее прочь, запыхав утреннюю дорогу.

– Кто это? – спросила черноокая красавица Ребекка, неизвестно к кому обращаясь.

– Мэрагель, милая, – услышала она женский голос, и обернулась. Под навесом на коврах и шитых золотом подушках девушка увидела цыганку, знаменитую диву с берегов Инда, которую на местный манер прозвали Зарой. Она лежала на цветных платках, и лицо её и тело были настежь распахнуты. Девушка стыдливо опустила глаза и отвернулась.

– Прости, – сказала она, собираясь уйти, – я не вовремя.

Её остановил голос дивы:

– Ты пришла за обманом? – спросила та, и девушка замерла.

– Осмотрись, здесь много интересного. Что-то служит обману, что-то призвано на службу истине. Голос Зары был мягок, но настойчив. Ребекка обратила внимание на камни-самоцветы,

хрустальный шар, в котором она отражалась кверху ногами, колокольчики, и серебряный поднос с запрещёнными гадалыми картами. Ребекка оживилась. Она подошла к подносу с картами и оглянулась на гадалку.

– Не смущайся, – сказала та, – это не страшно.

Гадалые карты, у иудеев были в опале, и это делало их популярными у жён тех самых иудеев. Женщины прибегали к цыганке и гадали по любому поводу. Любимым развлечением было пересказывать гадания и выяснять: что сбылось, а что ещё нет. Цыганку любили, но побаивались. Хорошо, если нагадает добро, а если, не приведи Господь...? Так ведь и со свету сжить может.

На подносах стояли кувшины с благовониями и маслами, корзинки со снадобьями, амулеты от сглаза, порчи и приворота. С ковра, служившего потолком, прямо у входа свисали глиняные колокольчики и, когда кто-то входил в зулу, они щебетали так, словно отсекали своим звоном все заботы человека, ненужную суету и его страх, раскрывая перед ним мир обмана, так похожий собою на сказку. Обман был самым ходовым товаром. Люди не могли и дня прожить без него, а здесь, в шатре, обмана было столько, что каждый мог выбрать его по своему вкусу. Цыганка-оракул могла легко нагадать счастье, любовь на сегодня, удачу в делах, и даже смерть врага – всё, чего ни пожелает клиент. Обманутые гадалкой и её товаром, неизменно становились счастливей...

– Это, милая, был мэрагель, – повторила цыганка, приглашая девушку удобней устраиваться на подушках. Она взяла карты с серебряного подноса и вопросительно подняла бровь, перетасовывая колоду. Девушка, молча, кивнула и оглянулась, как заговорщик. Мягко приземлившись на подушки, она охнула от удовольствия. Ей здесь всё очень нравилось. Её рука касалась нежного шёлка цветных платков, от которых в душе просыпалась нежность. Она трогала длинные павлиньи перья, и у неё менялась осанка. Теперь она с опаской гладила шкуру огромной кошки.

– Я вспомнила этого человека! – сказала девушка, принимая от цыганки финик и открывая стороннему взору лицо. – В месяце ияр он подстрекал народ к бунту.

– И я его помню, – сказала цыганка. – Но его и тогда не стали ловить, а только сделали вид. Знаешь, сегодня он пытался проникнуть в крепость. Прикинулся хворым, и стал в очередь в гарнизонный дом больных. Кто-то из стражи его признал, так он, видишь, как быстро исцелился.

– А почему его не стали ловить?

– Наверное, пожалели. Да и то, кому он нужен? Он ведь этим промыслом всю свою семью кормит.

– Ну что? – встрепенулась Зара, – тебе нравится здесь?

– Очень! – искренне ответила девушка и облизала сладкие после финика пальцы. Потом она решительно взглянула в глаза цыганки и, набравшись смелости, сказала:

– Мне бы поворожить.

Зара понимающе кивнула, снова перетасовала карты и даже дала притронуться к ним, но не разложила, а сказала:

– Ручку бы надо позолотить. Перед раскладом.

Девушка вынула из уха серьгу и протянула гадалке:

– Вот, – сказала она.

Зара осмотрела мастерскую работу, и залюбовалась.

– Не жалко? – спросила она. – Вещь красивая, дорогая.

– Бери! – с решимостью, полной воли, сказала девушка. – А верно всё скажешь, вторую отдам.

– Откуда серьги, милая? – бровь Зары снова вопросительно взлетела.

– Серьги мои! – сказала девушка, решительно поднимаясь с подушек, покрывшись пунцовыми пятнами. – Мне их дед смастерил!

– Ну, конечно! – рассмеялась Зара, возвращая серьгу. – Ты – Ребекка. Внучка мастера Давида.

– Да...

– Твой дед святой человек, драгоценная моя, и с его внучки я золота не возьму. И не спорь со мной, красавица, давай я тебе серьгу в ушко вдену. Вот так... И дед твой – не просто кузнец и мастер, – Зара улыбалась девушке, – он настоящий маг и чародей. Вся семья твоя – великие люди и большие праведники, дай вам ваш бог жизни до ста двадцати лет, и детям вашим и внукам.

Зара суежилась вокруг Ребекки, не зная, как сказать. Наконец, она налила в серебряный кубок вина и сделала большой глоток.

– Вот так хорошо, – улыбнулась она. – Бесценная моя! Я хочу, чтобы ты знала это прежде, чем я разложу тебе карты. Твой дед не одобрил бы эту твою затею.

– А мы ему об этом не скажем, – твёрдо произнесла Ребекка. – Никому не скажем!

Колокольчики зазвенели, и в шатёр заглянул бедуин. В руках он держал кувшин, покрытый испариной. Улыбнувшись беззубым ртом Ребекке, он поспешно поставил кувшин у ног девушки и, поклонившись, что-то промычал, жестами показывая в сторону Пустоши.

– Благослови тебя Всевышний, – произнесла девушка, прощаясь с немой. Она подняла с циновки кувшин и протянула его Заре.

– Вот, козьё молоко, – сказала она. – Возьми. Оно холодное. Анзор хранит его в пещерах.

– Но ведь к пещерам приближаться запрещено, – удивилась цыганка. – Они охраняются гарнизоном. Там опасно.

– Так он же этого не знает! – звонко рассмеялась девушка. – Он ведь убогий – немой. От восхода и до заката ходит за своими козами и зла никому не причиняет.

– А ты откуда с ним знакома?

– Дедушка его когда-то спас. Под ним провалился песчаник, и он упал с откоса... Порезался сильно, побился о камни. Дедушка был в дозоре, когда с ним приключилась беда. Дозорная собака нашла его. Когда дедушка подбежал, та уже сожрала откушенный язык несчастного. Дедушка вытащил бедуина из расщелины и привёз пастуха в Пустошь. Анзора выходили. С тех пор в базарный день он приходит сюда продавать молоко, сыр, лабанэ, мёд. И каждый раз кого-то из нас угощает. Он – добрый.

– Как же, добрый! – послышался перезвон колокольчиков, и в шатре показалась голова торговки пряностями.

– Откуда знаешь, что он не шпионит тут? Хо-ро-ший. Втёрся в доверие к самим верхам!

– Что ты такое говоришь, Хава?

– Помолчи! Мала ещё. Если в Пустоши терпят его вонючих козлов, это ещё не значит, что мы готовы терпеть его на на-Шем базаре.

– Как такое можно произнести? – возмущалась Ребекка. – Это «лашон ра»!

– Ничего особенного я не говорю, – настаивала торговка. – Говорю то, что все кругом говорят!

– Да как ты можешь?

– Я-то? Я всё могу. А вот дед твой, похоже, теперь только и может, что охранять бедуинских коз. Охранял бы лучше дороги, чтобы разбойники честных купцов не грабили, – прошипела она.

– Ты несправедлива, Хава.

– Конечно, я несправедлива, когда дело касается твоего деда, – Хава шмыгнула носом и недобро взглянула на Ребекку. – Потому что знаю много. И про бедуина и о пещерах.

– Что-то я тебя не пойму! – Зара в мгновение ока оказалась рядом с торговкой пряностями, внимательно изучая её взгляд. Хава расхохоталась, и панибратски оттолкнула от себя локтем хрупкую цыганку.

– Ясновидящая? – скалилась она. – Всё видишь, всё про всех знаешь, а того, что знают все, не ведаешь?

– И что же знают все? – с вызовом спросила Ребекка.

– Все знают, – ответила Хава, – что запрет появляться в пещерах касается не всех, хотя все знают, что в них хранят.

– И что же это? – спрашивала Ребекка.

– А ты не знаешь?

– Я не знаю.

– В пещерах что-то прячут. Одни люди говорили, что есееи туда свитки свозят. А другие рассказывают, будто сикарии в пещерах оружие прячут. И самое опасное из этого оружия – Ковчег Завета.

– Меньше слушай сплетни, и сама остерегайся их множить. – Выпалила Ребекка.

– Сплетни! Как же, – обиженно поджала губы торговка. – И то, что вы с дедом зачастили в пещеры – тоже сплетни?! А дорогу охранять некому!

– Женщина! – Повысила голос Зара. – Тебе лучше покинуть мой шатёр!

Она проводила торговку длинным взглядом, обещавшим той неприятности.

– А что я? – говорила та, пятясь к выходу – Я лишь повторяю то, что люди болтают.

– Тебе лучше попридержать свой длинный язык, а то, не ровен час, люди будут говорить, что пропала Хава, и что нет в городе больше пряностей.

С наигранным криком ужаса выскочила из шатра Хава, а у Зары подкосились ноги и она села на ковёр. Чтобы успокоиться, она принялась разглаживать юбку.

– Это из-за меня она себя так вела, – сказала Ребекка. Я была в пещерах, и она об этом откуда-то знает.

– Как? – удивилась Зара, перейдя на тон заговорщика. – Ты была в пещерах? Но ведь это запрещено. Там ведь стража.

– Ну и что? Я уговорила дедушку взять меня в пещеры. Мы отправились туда на закате. На мне был тяжёлый плащ послушника с накидкой. Пока ослы довели нас до места, было уже темно. И всё равно дедушка не разрешил мне снимать накидку. Он боялся, что меня кто-то увидит и узнает. Так и вышло.

– Вас кто-то видел?

– Выходит так. Иначе бы Хава сейчас не вела себя так, говоря, что дорогу охранять некому.

– Твой дедушка очень смелый человек.

– Знаешь, порой мне кажется, что он стесняется того, что я не мальчик.

– Это не так, – улыбнулась Зара. – Он очень тебя любит. Иначе, не посмел бы нарушить закон.

– Да! – тряхнула смоляной волной густых волос девушка. – Он меня любит.

– Там, в пещерах, ты и познакомилась с Анзором?

– Да.

– И он угощал вас козьим молоком?

– О! Он угощал всем, что ему щедро давал Господь в его промысле. Бродя за козами, он находил орехи, дикий мёд, ежевику, грибы. Всю ночь мы жгли костёр и молчали, иногда делись впечатлениями.

– Как это?

– Мы разговаривали на языке жестов.

– Ты умеешь говорить на языке жестов?

– Да, умею, – рассмеялась Ребекка, – это так просто! А над нами было прекрасное небо и звёзды, звёзды, звёзды.

И, когда они быстрее стрижа проносились и стремительно гасли, сердце замирало и ныло беспокойством. Иногда казалось, что звезда может упасть прямо на нас, как сказано в писании.

– Ты знаешь писания?

– Дедушка иногда занимается со мной, давая учить наизусть большие отрывки. Иногда я помогаю ему в зале писцов.

– Да? И что ты там делаешь?

Ребекка поняла, что проговорила.

– Прошу тебя, – взмолилась она, – об этом никто не должен знать.

– Обещаю, я никому не скажу.

– Я диктую писцам заученные отрывки писаний. Дедушка уже старый, приходится его подменять.

Вдруг вспомнился Ребекке тот день, когда дедушка привёл её в зал писцов и представил своим ученикам, назвав мужским именем.

Саван скрывал лицо девочки-подростка, и никто не видел её щёк, покрывшихся пунцовыми пятнами от стыда и страха разоблачения. Но никто ничего не заподозрил, и она читала слова пророка так, как учил её дед: ровно и внятно. И заскрипели перья, и писцы, чьи головы были покрыты такими же саванами, не обронили ни слова.

Тогда-то, среди писцов, учеников её деда, она увидела юношу по имени Йешуа. Ему было лет тринадцать. Одного его взгляда было довольно, чтобы пронзить девичье сердце...

Сегодня Йешуа уезжал. И Ребекка не знала, куда себя девать, и как совладать с нахлынувшими чувствами. Она направилась к сёстрам, но у тех были свои переживания. Зашла в крепость, в поисках наставника, но тот был вместе с её дедом, и на лицах их читалась какая-то озабоченность. И тогда пришла на базарную площадь, к шатру цыганки Зары, чтобы узнать у знаменитой гадалки: свидятся ли они с Йешуа когда-нибудь снова?

– В первую четверть стражи к пещерам подъехала повозка, – вспоминала Ребекка, – в ней были бракованные кувшины. Анзор тогда очень обрадовался им. Он быстро сгрузил их с повозки и перенёс в пещеру. А я ему помогала!

– И что, в кувшинах ничего не было?

– Ну да, – очень просто сказала Ребекка, – ничего. Они же бедуину для молока и сыра пустые нужны.

– Конечно, – сказала цыганка, улыбаясь и пряча улыбку за серебряным зеркалом. – Кувшины нужны пустые.

А Ребекка вдруг отчётливо вспомнила, как в ту ночь неизвестные ей люди подъехали к пещерам, как они разгрузили повозку, и как один кувшин разбился. На камнях среди осколков лежали освещённые луной свитки из козлиного пергамента, заполненные руками писцов пустоши. Их быстро собрали, сложили в другой кувшин, и унесли в сторону, во тьму. Несколько пустых кувшинов перепало немому.

– Тебя благословил твой бог, красавица, – цыганка поцеловала девочку в лоб, – твой дедушка может гордиться своим ангелочком.

– Я хотела бы всё-таки узнать, – Ребекка осмелев попыталась перевести разговор на интересующую её тему. Но непреклонная Зара не дала ей договорить.

– Гадать я тебе не буду, – сказала она тоном, не терпящим возражений. – И знаешь почему? Потому что ты, милое дитя, под присмотром и защитой своего Бога. Приходи как-

нибудь, поболтаем. Почитаешь ваши книги. Ладно? – и мудрая женщина улыбнулась девочке-подростку, почувствовав трепетное чувство, проснувшееся в ребёнке. Ребекка вздохнула и, грустно глянув в глаза цыганки, встала с подушек и вышла из шатра. А Зара долго глядела ей вслед. Она видела, как девушка пересекала площадь, как заговорила со стражниками, и как те громко засмеялись, проводив её до самых ворот крепости.

Когда Ребекка в них скрылась, цыганка тихо и печально произнесла:

– Твоему богу, милая девочка, потребуется много сил, чтобы суметь защитить себя, тебя и всех вас.

Аркадий и внучка звонаря

Грунтовая, разбитая грузовиками дорога привела в незнакомые места и внезапно оборвалась у распаханного поля. Из машины вышел молодой человек лет двадцати пяти. «О чём я думал?» – сокрушался он, осматриваясь.

– Деревня Звездино, – прочёл он указатель и взглянул туда, где за шеренгами пирамидальных тополей пряталась часовня с колоколенкой. «Ух, ты! Красота-то какая!» – восхитился он и решительно направился пешком через поле, чтобы забраться на колокольню и с её высоты оглядеть окрестность. Для этого ему пришлось преодолеть перепаханное поле и лесополосу, чтобы выйти к махонькой площади с колоколенкой и часовней.

Площадь оказалась деревенской окраиной, полуразрушенная часовня – складом для сена, а звонница была лишена колоколов.

Стоя на самом верху колокольни, молодой человек широко расставил руки и, полной грудью вдыхая ветер, хмелел и с наслаждением взирал на закатное небо. Задрав голову вверх, он закружился вместе с небом и деревянным настилом, качнулся, и потерял равновесие. Но вопреки закону притяжения, он полетел не вниз, на землю, а куда-то вверх. В манящие алым светом небеса.

Тоненький смешок за спиной тут же перевернул всю жизнь молодого человека вверх тормашками. Он лежал на деревянном настиле колокольни, а карусель, запущенная в голове, всё ещё продолжала кружиться. Сквозь смеженные веки ему показалось, что он увидел лицо Ангела, а когда открыл глаза, над ним склонилось премилое личико девочки с нимбом венка из ромашек на собранных в узел русых волосах. На ней был лёгкий деревенский сарафан, в руке босой «Ангел» держал туфли.

– Ты кто? – спросил парень, потирая ушибленный затылок.

– Больно? – вместо ответа участливо поинтересовалась девушка, которая всё ещё рассматривала незнакомца. Он был, и впрямь, похож на принца из восточных сказок. Красивое, библейское лицо, чёрные, несколько выющиеся волосы, ямка на подбородке...

– Что ты тут делаешь? – туго соображал Аркадий.

– То же, что и ты, – улыбнулась она, протягивая свободную руку и помогая Аркадию подняться, – слушаю небо. Я внучка звонаря.

Аркадий медленно встал на ноги. Голова ещё кружилась. Она положила ему руку на затылок и боль немедленно улетучилась.

– Спасибо, – кивнул он смущенно. Девушка в ответ лишь хихикнула.

– Что-то не так? – Аркадий оглядел себя.

– Нет-нет, не обращайтесь внимания, – сказала девушка и залилась звонким хохотом. Успокоившись, она произнесла: – Вам ведь и вправду – лучше?

– Намного.

– Простите, – сказала девушка, поправляя чёлку. – В том, что случилось, наверное, и моя вина.

– Нет! – поспешно возразил Аркадий. – Не извиняйся. Знаешь, я тебе даже очень рад.

– Человек не может радоваться тому, что приносит боль, – сказала девушка. – Вы ушибли затылок. Я вам очень-очень сочувствую... правда... Просто мне кое-что показалось смешным. Понимаете?

– Нет.

– Я сколько помню себя, ни дня не проходило, чтобы я не появлялась здесь. Смотрела на небо, на заходящее солнце... на звёзды и луну... мечтала... кружилась, как вы... сочиняла сказки.

– Ну да, Алые паруса, там... Грей...

– Вы угадали. Я действительно мечтала о принце. Это плохо?

– Нет, нормально. Девчонки всегда мечтают о принцах. Ведь вы все в душе – принцессы.

– Да, – согласилась «принцесса», – я ничем не отличаюсь от других девочек и тоже мечтаю о принце, о том, что он когда-нибудь явится в мою деревню, взойдёт на колокольню, и под нею увидит меня...

– Красиво, – улыбнулся Аркадий, – и что тут смешного?

– Смешно, – смущённо произнесла она, – что именно от вас я ожидала взгляда вниз, на землю, на меня. А вы упрямо глядели в небо и не хотели меня замечать.

– Ага! – улыбнулся Аркадий. – Значит, я на роль принца уже не подхожу?

– Напротив, – очень серьёзно произнесла девушка, – когда вы задрали подбородок к небу... – она потупила взгляд и заставила себя замолчать.

От неё веяло простором и провинциальной чистотой церковного воспитания. Он думал, что задал ей невинный вопрос, а её щёки пылают огнём.

Девушка села на ступеньку, в смущении уткнула лицо в колени, и в полной тишине просидела несколько минут. Аркадий даже подумал, а не заснула ли она? Но она подняла голову, и он увидел, как её глаза светились счастьем. Аркадий улыбнулся ей, испытывая неизвестное до сих пор чувство, когда забываешь, что ты умеешь дышать, а сердце замирает от восторга и уже никуда не торопится.

– Аркадий, – представился он, протягивая руку.

– Очень приятно, – улыбался «Ангел», так и не называя своего имени.

Аркадий присел рядом. Он вдруг услышал, как громко стучит его сердце. Оно билось гораздо усердней, чем обычно. Аркадий заглянул в девичьи глаза.

Солнце спряталось за сопки. Стемнело, девушка вдруг замерла и слегка наморщила лоб. Она закрыла глаза, покачиваясь из стороны в сторону.

– Что ты делаешь? – Спросил Аркадий, а девушка, приложив палец к губам, сказала односложно:

– Слушаю.

Аркадий прислушался и тоже закрыл глаза, а девушка добавила:

– Слушай своё сердце, своё дыхание, слушай небо, слушай колокола.

– Как это? – удивился Аркадий, ощущая волнение. – Ведь колоколов-то здесь нет?

– Это так, – вздохнула она, открывая глаза. – Колоколов нет, но вот, скажем, для дедушки моего – они есть. Он помнит их и то, как в это время они говорили с Богом. Дедушка говорит, что колокола всё время звучат в нём, а когда перестанет их слышать, то умрёт.

– А что ты слышишь? – спросил Аркадий. – Бога слышишь? – он зачем-то глянул вниз, где на незнакомой площади, прямо под колокольной лежал он сам в луже крови. И не успел Аркадий испугаться, как снова оказался на колокольне. Его руки дрожали, изо всех сил сжимаемая перила, а за спиной о чём-то продолжала говорить очень странная девушка. Увиденное ошеломило его.

– Мой дедушка всю жизнь состоит при часовне да при этой колоколенке. Сперва звонарём служил. Тогда и слышал Бога. А когда часовню превратили в склад, он остался работать сторожем при нём, – тогда и оглох. Вообще-то он прикидывается, чтобы люди не мешали ему слушать небо. А я сирота. Когда мама умерла, он стал заботиться обо мне, учил, воспитывал. Бога я пока не слышала. Зато слышала что-то другое, – она присела, улыбнулась и склонила голову набок.

– Что же это «что-то другое»? – спросил Аркадий, глядя на девушку, едва справляясь с новой волной полубоморока.

Его сознание снова и снова устремлялось вниз, на каменную площадь, где он снова оказывался лежащим в крови. Но каждое новое видение неизменно заканчивалось тем, что он снова оказывался рядом с неизвестной девушкой. Очень притягательной.

Аркадий сел на верхнюю ступеньку винтовой лестницы, спиной к перилам. Его колени дрожали. Внучка сторожа присела рядом, спустив ноги в пролёт. Сквозняк задрал её ситцевый сарафан. Она ловко поймала подол, подоткнула под себя и, освободив руки, положила их на голову Аркадия, едва касаясь места ушиба. Самочувствие Аркадия немедленно улучшилось, а девушка продолжала держать над его головой руки и, глядя куда-то за чернеющий горизонт, сказала:

– Иногда, – её губы чуть растянулись в кроткой улыбке, – я слышу голос Небесного Иерусалима. Он зовёт меня к себе. По ночам я мечтаю о нём...

Головокружение оставило Аркадия. Исчез и звон в ушах. Заметно повеселев, он спросил:

– Ты никогда не была Иерусалиме?

– В Иерусалиме?! – расхохоталась девушка. – Я никогда не оставляла дедушку, всю жизнь прожила в Звездино, и дальше нашего сельпо – ни ногой.

– Круто! – оценил Аркадий, и неожиданно даже для себя, предложил:

– А давай, я отвезу тебя в Иерусалим!

Вопрос заставил девушку взглянуть на Аркадия несколько другим взглядом, который, казалось, старался проникнуть в самое сердце Аркадия, в самую душу!

– А что? – взволнованно заговорил он. – Мои предки родом из Иерусалима, да и родители там уже несколько лет. Словом, предлагаю: поехали жить в Израиль!

– Как это? – насторожилась девушка.

– Как муж и жена! – испуганно выпалил Аркадий.

– Как муж и жена?

– Ты не согласна?

– А разве вы берёте меня в жёны? – спросила она.

– Типа того.

– Типа того! – фыркнула она. – Вы ведь даже не знаете моего имени! Типа того...

– Да! – Повысил голос Аркадий. – Я беру тебя в жёны. А имя... имя скажешь, если согласишься.

Девушка медленно встала, не сводя с новоявленного жениха округлившихся глаз. А он, боясь, что не сможет передать ей весь восторг, переполняющий его душу, быстро произнёс:

– Ты очаровала меня, милая, излечила, околдовала. Я хочу быть с тобой всю жизнь – и в радости, и в горе, и в старости.

Она повернулась к нему спиной, шагнула, а потом побежала к лестнице.

– Постой! – крикнул он, когда её голова готова была скрыться в лестничном проёме. – Так ты согласна?!

– Приходи завтра на свидание – узнаешь! – крикнула девушка, исчезая.

– Дедушка! – закричала она, вбегая в дом.

– Мария! – воскликнул высокого роста старик, склоняясь, чтобы обнять внучку. – Машенька.

– Дедушка! Он нашёл меня!

– Кто тебя нашёл?! – спросил старый звонарь и выпрямился во весь свой могучий рост, беря в руки палку.

– Ну, какой же ты у меня непонятливый! Меня нашёл ОН, дедушка, ОН – принц.

– Какой ещё такой принц, Машенька?

– Из сказки...

– Да кто он, твой принц, сердечко моё? – тяжело выдохнул дед, крестясь.

— — Только что он был на колокольне! — вилась вокруг деда Маша. — Он позвал меня в Иерусалим! Дедушка! Может, это судьба? Разве ты не предупреждал меня, что так должно будет случиться?

— Ай-ай-ай, — запричитал старик, понимая, что случилось непоправимое. — А я-то и не понял, чего это Велимирушка так забежал! А он беду почуял. Раньше меня почуял. Раньше, чем я, старый, почуял радость... Ну, ничего, внученька, радость и беда — две стороны нашей жизни. Не зная одной, не оценишь другую, — дед Аникей нежно погладил внучку по голове, и поцеловал в лоб: — Я хочу видеть этого Иерусалимского гостя!

Бубен и Кольт

Аркадий лежал на раскладушке посреди комнаты. После вчерашней попойки со школьным другом его немного подташнивало. Аркадий хотел пить. Рассовав по сторонам посуду, он воткнул в освободившийся проём раковины голову, и долго с жадностью пил воду из-под крана. Внезапно, как очумелый, он сорвался с места и помчался в туалет.

– Ты чем меня напоил, чудовище?! – успел крикнуть Аркадий, и его стошнило.

На кровати валялся, притворяясь спящим, Аркашкин друг, Сашка Бубен.

– Молчишь, гад?! – снова обращается к притворщику Аркадий. – Я тебе всё припомню, когда ко мне в Иерусалим приедешь. Буду поить палёной водкой из русских магазинов. Так и знай! Я тебе эту водку никогда не забуду, Бубен. И можешь дальше притворяться, что спишь, – Аркадий пробежал босыми ногами по кухне и с ходу запрыгнул на раскладушку, едва не завалив её набок.

Слушая притворное сопение Сашки, Аркадий закутался в одеяло. Сев поудобней, насколько позволяла раскладушка, он смотрел в окно, за которым раздавались первые звуки просыпающегося города. Аркадий вспомнил вчерашнего Ангела, так и не назвавшего своего имени, но позвавшего его на свидание. Фантазия быстро рисовала ему деревенскую картину, на которой колоколенка и часовня были изображены по утренней поре. И звонница была полна колоколами, и на часовне под весенним солнцем сиял золотой купол и крест. Аркадию даже на миг показалось, что это их сияние пробивается лучиком солнца сквозь занавески. А луч уткнулся в то место на стене, где висела старая школьная фотография. На ней Аркашка и Бубен, обнявшись, с сигаретами в уголках губ, стояли на задворках школы. «Восьмой... или девятый класс» – припоминает Аркадий, и проходит его обида на друга.

Фотоснимками обклеен весь угол, и на каждом – неразлучная парочка хохочет от собственных проказ. Старые снимки пробудили в Аркашке целый рой воспоминаний. Но все они быстро улетучились, едва он вспомнил о свидании, которое ему назначила милая и очень странная девушка.

– Ты даже не узнал её имени! – отговаривал Бубен друга от стихийно принятого решения. – А собираешься отвезти в Израиль. – Это не делается так скоро. Ты завязнешь здесь ещё на несколько лет, – пророчествовал Бубен, стоя в кабинке душа под струёй холодной воды.

– Она очаровала меня!

– Ну, очаровала! С кем не бывает. Сначала обворожат, а потом отваживают. Все они, ведьмы, одинаковые.

– Неправда! Всё было не так. Она мне почти сказала «да»... и назначила свидание.

Аркадий влезает в джинсы, засовывает руку в карман, затем в другой, нервно обыскивает пиджак... и, в отчаянье, бросает взгляд в угол.

– Что за чёрт! – кричит он и начинает метаться по комнате. – Не может быть! Не верю! Господи, сделай так, чтобы я оказался неправ!

Он со злостью пинает дорожную сумку, опрокидывает раскладушку.

– Чья-то злая воля надо мною куражится! – кричит Аркадий в лицо другу, выходящему из ванной. Но тут же, умолкает и с удивлением рассматривает изменения во внешности однокашника. Трёхдневная рыжая щетина ещё сильнее выделяла подбитый глаз, распухшую губу с запекшейся на ней кровью и содранные до мяса ладони.

– Бубен, – развёл руками Аркадий, – только не говори мне, что это я тебя так отделал, когда ты рвался спасти мир от еврейской несправедливости.

Бубен отводит взгляд, мнётся, а потом переходит в наступление:

– Я, конечно же, не спас мир, но слова благодарности, надеюсь, от тебя заслужил.

– За что благодарность? Не тяни kota за хвост. Рассказывай! Вижу, что избили. Кто? Где мой кейс с деньгами? Где ключи от машины?

– Скажи спасибо, что живым остался, – мрачно произнёс Бубен.

– Даже так? – Аркадий сел на раскладушку.

– Да, так! Но я не виноват. Честное слово! Ты сам пришёл не вовремя. Долг на мне. Солидный. И «солидные» людишки прислали своих головорезов за деньгами. А тебе разве интересно, что происходит с твоим школьным другом? Ты привык: чуть что – и к Бубну перекаптоваться. У тебя семь пятниц на неделе. Вчера улетал в Израиль, сегодня любовь закрутил, а завтра что ожидать от тебя? А у меня беда! Понимаешь?! Настоящая беда, Аркаш. Позавчера, ночью...

– Постой, как это – позавчера?

– Ты проспал больше суток, – уточнил Сашка, – счастливый человек. Эти сутки ада для тебя не существуют. А хочешь знать, что ты проспал?

– Я проспал свидание с внучкой звонаря! – прокричал Аркадий, но его крик потонул в отчаянном вопле Бубна:

– Ты проспал смерть!!!

Аркадий побледнел, ощущая, как схлынула кровь от головы, и глухая ватная пелена обвила его, лишая тело мыслей, воли и движения. А когда кровь волной цунами снова ударила в голову, он с жадностью глотнул воздуха, обретая непонятно откуда взявшиеся силы для освобождения от пут бездействия. Он снова услышал голос Бубна:

– Лихие людишки приходили. За деньгами. Им было пофиг, что в кейсе не мои деньги, а твои. Они пришли за ДЕНЬГАМИ. И если бы я не отдал их, они бы нас покровсали.

Аркадий посмотрел на Бубна с уважением, но тот неожиданно сам всё испортил.

– Я, может, тебя нарочно срубил, чтобы ты при этом не присутствовал, – ляпнул он.

– Вот теперь я узнаю старого циника, – ответил Аркадий.

– А чего? Мордобой, пушки. Слова грязные. Да и намерения. Не эстетично как-то. Так что... не только ты мне жизнь спас, но, выходит, и я тебе. А деньги – тьфу! Заработаем.

– Всё отдал? – сухо спросил Аркадий, рассматривая разбитую рожу Бубна.

– Аркаша, честное слово... да... всё им и отдал... повторяю ещё раз: они приходили за деньгами... с пушками... и очень недобрыми намерениями.

– Я это уже слышал, – Аркадий недовольно передернул плечами.

– А у меня, Аркаша – ни денег, ни пушки. Из всего ценного – только ты на раскладушке посреди комнаты. Твой кейс с баблом. И на полу – ключи от машины. «Судьба!» – решил я.

Аркадий выругался.

– Да друг ты мне или не друг?! – вопрошал дурным голосом Бубен. – Я же тебе всё объяснил!

– А ты мне кто? – тихо спросил Аркадий, и добавил, не дождавсь ответа:

– Картина, написанная болью и унижением.

– И это всё, что ты можешь сказать мне в утешение? – нарочито злился Бубен

– Могу добавить, что картина уже «подписана» одним кровавым шрамом на твоей роже. Тебе что, одного мало?

– Вот видишь, – горько усмехнулся Бубен, – за тебя пострадал. А ты тут пургу поднял. Перепил, так хотя бы веди себя прилично. И нечего в чужом доме еврейский погром устраивать...

А дело обстояло так. Бубен увидел в окно, как из машины вышли двое подручных Кольта и направились в его подъезд. Не дав Аркашке осмотреться, он разлил по стаканам водку и незаметно подсыпал другу сильную дозу снотворного. Когда пожаловали незваные гости, Арка-

дий уже был в глубоком сне. Он лежал с закатанным рукавом, и разрисованная Бубном рука с чёрным синяком вдоль вены, свисала до самого пола, где предусмотрительно валялся шприц, и резиновый жгут.

– Да ты не один! – удивился вошедший незванный гость и, достав глушитель, стал накручивать его на ствол, приближаясь к Аркадию. Он был крепкого телосложения и слегка полноват. Эдакий тридцатилетний «крепыш», одетый в дорогой пиджак, поверх чёрной спортивной майки.

– Эй, не трогай его! – крикнул Крепышу Бубен. – Торчок не скоро в себя придёт. Пацан конкретно в улёте. Отойди от него. Я сказал – отойди!

Следом вошедший «посыльный», ударил Бубна в лицо. Бубен удержал удар и, облизав разбитую губу, повторил Крепышу:

– Очень тонкое состояние. Между жизнью и смертью. Сейчас Господь Бог решает его судьбу. Не мешай Всевышнему.

– Ты что, в Бога уверовал? – спросил у Крепыша рослый парняга, когда тот отошёл от раскладушки Аркадия.

– Похоже, он не дышит...

– Ну и пусть себе подышает. Мы с этим решить должны, – сказал Рослый, тыча оружием в Бубна.

– Всё решено до вас! – взвился Бубен, судорожно окидывая взглядом комнату. У ножки стула, на котором висели джинсы друга, он увидел ключи от машины. Ещё не зная зачем, Бубен поднял их. На брелке было лишь два ключа. Один от машины, второй ключ от кейса. «Вот оно!» – пронеслось в голове Бубна, и по венам побежал адреналин. Куражась, он взял кейс Аркадия, и направился к двери.

– За мной! – скомандовал Бубен посыльным Кольта, прежде чем те сообразили, что происходит.

– Алло! Гараж! – возмущённо остановил его Крепыш, тыча стволом в спину. – Ты это куда намылился?!

– Передать деньги Кольту. Деньги в кейсе. – Бубен высоко поднял чемодан.

– Открой! – Приказал Рослый, доставая мобильный. Бубен положил кейс на стол, и стал тыкать ключом в замок, моля Бога, чтобы в кейсе оказалась хоть какая-нибудь наличность.

Наконец, замки щёлкнули и Бубен поднял крышку кейса. Глаза впились в содержимое. Сверху, на белой рубашке лежал билет на самолёт. А под рубашкой...

– Дай гляну! – отстранил Бубна Крепыш, заглядывая в кейс. Из-за его плеча, Бубен успел увидеть деньги и облегчённо вздохнул: «Спасён!!!» Взглянув на разложенные пачки долларов, Крепыш удивлённо хмыкнул, и закрыл чемодан. Но тут Бубен вцепился в ручку кейса и неожиданно закричал:

– Я сам!!!

– Не понял, – искренне удивился Крепыш, не выпуская кейса из рук.

– Что ты не понял?! Свои деньги я сам хочу отдать в руки Кольта, а не в твои, урод! Сам!!! Убери руки!

– Да я тебя за «урода», – замахнулся парняга пистолетом.

– Оставь его! – улыбался Рослый, закрывая мобильник. – Кольт сказал, пусть едет, если деньги при нём. Сядешь с ним в его тачку. А не сложится у него с Кольтом, «ваген» заберёшь себе.

– Так выходит, что урод – это ты! – ухмыльнулся Крепыш Бубну. – Понял, урод?!

– И что было дальше? – спрашивает Аркадий, очень подробно представив сцену, когда Бубен его разукрасил синяками и выставил умирающим наркоманом.

– Кейс я отдал Кольту.

- В кейсе были документы.
- Я переложил их в дорожную сумку.
- Бубен, ты меня зарезал, – Аркадий сел на пол, обхватив голову руками.
- Не горюй, – Бубен сел рядом и обнял Аркашку, – главное-то что? Что мы оба живы!

А денег мы с нашими талантами срубим столько, сколько захотим. Я тут всё придумал... Ты со мной?

- Нет! – Аркадий был вне себя от ярости.

– Вот так всегда. И всё же, послушай меня, друг. Нужно кое-куда съездить... эта поездка дорогого стоит. Ты тачку, надеюсь, ещё не продал? Смотри, ты мне её обещал! Это как боевой конь. Она всегда приносила нам удачу. Ты уезжаешь, а тачку беру я, наследую наш талисман. Но для того, чтобы ты смог уехать, нужны деньги, которых ты лишился этой ночью. А мне, чтобы заполучить этот талисман – тачку – нужно тебя отправить в Израильщину, так или нет?

- Попробуй только не отправь!

– Вот! Выходит, что мы снова по одну сторону баррикад. Я верну тебе все расходы сегодняшней ночи.

- Что ты придумал на этот раз? – поинтересовался Аркадий.

- Ничего криминального. Отвезти кое-что кое-кому.

- Что конкретно?

– Аркаш, этого даже я не знаю. И не хочу знать. Понимаешь, меньше знаешь, крепче спишь... да и времени на длинные разговоры уже нет.

Накануне, ночью, когда Аркадий валялся в распахнутой настёж квартире, Бубен ехал в его машине и думал, что друг спас ему жизнь, а он везёт его деньги очень крутому парню, которого побаиваются даже менты.

Две машины с выключенными фарами, – «Фольксваген» и «Ауди», остановились у «Мерседеса», образовав треугольник.

Посыльные вывели в центр Бубна, навстречу им вышел Кольт. Одет он был элегантно. Оранжевая рубашка, серый дорогой костюм, коричневые туфли. На шее – толстая золотая цепь, на пальцах – накладки и перстни. Лица было не разглядеть из-за надвинутой на самые глаза шляпы.

– Привёз? – спросил он, обращаясь к Бубну, поигрывая чётками из нефрита. Бубен улыбнулся, заглядывая под шляпу и аккуратно ставя рядом кейс Аркадия.

- Открой, – приказал Кольт, и посветил фонариком.

Бубен открыл кейс.

- Сколько?

- Сумма, которая с лихвой покрывает долг...

- Сколько? – настаивал Кольт.

– Угодно пересчитать? – спросил Бубен, и тут же неожиданно произнёс: – Не знаю. Точно...

- Ты их украл?

- Точно не знаю... Сейчас пересчитаю. Я быстро.

Кольт машет фонариком, и «посыльные» хватают Бубна за локти, отрывают от земли и бьют головой о машину.

- Пересчитайте! – приказывает Кольт, быстро перебирая чётки.

Крепыш высыпает деньги. Выбирает пачку, проверяет банкноту, пересчитывает пачки и складывает их в кейс.

В машине Кольта неожиданно зазвонила трубка. Кольт глянул на часы и дал отмашку фонариком Рослому. Тот подошёл к трубке и взглянул на хозяина, который направился, было, к машине, но во что-то вступил и теперь матерился, светя фонариком на туфлю.

– Включи громкую связь! Бестолочь!
Лежавший под машиной Бубен слышал, как звонивший спросил:
– Свитки у тебя?
– Да! – коротко ответил Кольт.
– Послезавтра в двадцать три часа их будут ждать в аэропорту.
– Ты же говорил – завтра!
– Заткнись и слушай! Если всё чисто, – в киоске, рядом с эскалатором, купишь зелёный воздушный шарик. Если почувствуешь нежелательные движения – жёлтый. Красного быть не должно!

– Что ещё?
– Расчёт с курьером прямо при вручении груза.
– Да, я помню! – крикнул Кольт.
– А то, что тебе придётся ещё делиться, ты помнишь?
– Помню, не кипшиуй, генерал. Всё будет ништяк!
– Прекратить этот уголовный тон!
– Есть прекратить!
– Обеспечение операции на тебе и твоих урках. И чтоб комар носу не подточил! Со свитков глаз не спускать! Сворачивай все свои мелкие делишки. Выполнять приказ! – генерал отключил связь. Кольт наконец-то оттер дерьмо от подошвы, а Бубен всё пытался понять, что означает слово «свитки».

– Ну, что там?! – крикнул Кольт, и Крепыш положил кейс на капот «Мерседеса».
– Семьдесят пять штук зелени, – сказал он.
– Расчёт, – нехотя произнёс Кольт и пнул Бубна ботинком, который всё ещё вонял дерьмом. Бубен простонал.
– Очухался? Вставай!
Тот встал. В лоб ему уткнулся холодный ствол. Кольт с любопытством посмотрел в глаза Бубна и сказал:

– Вали отсюда, пока я не передумал!

Через пять минут машина Кольта обогнала Бубна, а через десять, уже стоя у закрытого железнодорожного шлагбаума, Бубен слушал рассказ о том, как джип пытался проскочить переезд, и как его снесло товарным составом.

Водитель автобуса собрал у шлагбаума зевак и с удовольствием рассказывал подробности происшествия, кивая на заваленный локомотив и горящие вагоны, под которыми оказался погребённым джип Кольта. Бубен незаметно нырнул в темноту и оказался по ту сторону состава.

На месте катастрофы несколько железнодорожников, дрались, отбирая друг у друга пачки долларов, вывалившиеся из помятого кейса. Странно, но Бубен увидел что-то, что ушло из его жизни, едва он закончил институт. Прямо под ногами лежал тубус. Нет, не гранатомёт, которому было бы уместней находиться на месте катастрофы, а студенческий тубус. В такой же тубус, учась в политехе, Александр Буенцов вставлял свёрнутые чертежи проектов...

«Свитки!» – промелькнула догадка, и Бубен схватил тубус и прижал к груди.

Чужая игра

– Слушай внимательно, – возбужденно говорил Бубен Аркадию, – мы, а не Кольт, передадим товар заказчику. Заказчик отслюнивает нам премию. Мы никому ничего не должны. Все довольны. Звено Кольта оказалось слабым. Кольт – выбывает! Но есть два парня – мы, которым ещё под силу делать добрые дела. Ты же не против того, чтобы делать людям добро? Тем более что это добро хорошо оплачивается.

– Скажи, что ты не придумал всё это!

– Да пойми ты, садовая твоя голова, – настаивал Бубен, – джип Кольта превратился в кровельное железо. А мне повезло! Я нашёл то, что Кольту поручили передать. И я знаю, где состоится передача и когда.

– Лучше бы ты мой кейс с деньгами отобрал у этих мародёров! – выдохнул Аркадий. – Сволочь! – сорвался он на крик и сильно приложился кулаком к скуле не успевшего увернуться Бубна. – Иуда! Мало того, что ты меня обокрал, так ещё и подставил! Ну, не Иуда ли?

– Иуда – это ты! Это ты предаёшь Родину, наше дело, дружбу, меня... и едешь в свою Палестину! Ну и езжай! Скатертью дорожка! Ты не просто уезжаешь! Ты продаёшь дорогие моему сердцу реликвии, – Бубен стал загибать пальцы: – Ты продал нашу с тобой фирму, продал квартиру, дачу, машину... А ведь я много лет, Аркаша, считал их тоже своими...

Аркадий молча слушал высказывания друга.

Бубен повысил голос:

– Но машина, Аркаша, моя! Смотри...

– Сволочь ты! И ворюга... – устало заключил Аркадий. – Нет, всё же правильно я сделал, что фирму закрыл! С таким, как ты, нельзя быть в связке. Чуть что, ты режешь обе верёвки! – Аркадий рассмеялся, и смех его был недобрый:

– Значит, хочешь, чтобы я тебе был благодарен за то, что жизнь мою спас? А вот не стану благодарить! Ты, Бубен, жизнь мне испортил.

– Не кипятись...

– Это ты передо мной пальцы гнёшь, спасителя изображаешь, предателя из меня пытаешься сделать!

– Да ты не знаешь, какая она – жизнь! – не унимался Бубен.

– Это всего лишь эмоции...

– Скотина! – ответил Бубен.

– Кто скотина – мы ещё посмотрим.

– Ладно, хорош, – пытается успокоить друга Бубен, доставая из бара коньяк.

– Я пить не буду! – сказал Аркадий.

– Это я себе, – улыбнулся Бубен. – Послушай, Аркаша внимательно. Без эмоций. По-деловому. Бизнес есть бизнес. А бизнес есть во всём.

– И в чём ты увидел здесь бизнес?

– Считай, что я не украл у тебя деньги. Я ими откупился, чтобы выжить и помочь тебе заработать на достойную жизнь с молодой женой в Иерусалиме. Я предлагаю заработать значительно больше, чем взял. Неужели не согласишься? Я удваиваю сумму. Решайся. Ты выступаешь исключительно в роли водителя. Готов?

– Нет!

– Дурак, – сплюнул в сердцах Бубен, – дурак, и не лечишься. Тебя, Аркаш, стыдно выпускать из страны – осрамишься перед арабами! Глядя на тебя, они будут плохо думать о России. Это, между прочим, называется международной подстава... Передадим тубус, получим деньги – и прямиком к твоей блаженной.

– Ладно, Иуда! – после продолжительного молчания произнёс Аркадий. – Излагай свой план.

– Молодец! – зазвенел Бубен. – Друг другу надо помогать! – Он залпом осушил рюмку с коньяком, и расслабленно рухнул на диван.

– Уф-ф! – улыбался он разбитым ртом. – Ну и замутим напоследок! Подробности, Аркаш, в пути. Времени у нас не густо.

Он облизал пересохшие губы, вскочил на ноги, достал из шкафа баул с тубусом и парабеллум. Повертев им перед носом совсем обалдевшего Аркадия, сказал:

– Вещь хорошая, но когда без патронов, совершенно бесполезная, – и сунул парабеллум за пояс под футболку.

– Да ты гангстер международного масштаба! – выдохнул Аркадий, удивлённо глядя на пистолет.

– Не ссы, прорвемся, – улыбнулся в ответ Бубен.

По пути из квартиры к лифту Бубен сказал:

– Ты прости меня, Аркаш. С тобой я был другим. Ты не появлялся больше года с тех пор, как распустил фирму. А год в наше время – это о-о-чень много.

Дверь лифта распахнулась, они вышли во двор, сели в серебряный «Фольксваген» и тронулись с места.

– На трассу! – скомандовал Бубен и ещё раз напомнил: – Не забывай, ты сегодня только водила. Все проблемы в пути решаю я.

Аркадий свернул к автозаправке:

– Проблемы в пути решаешь ты? – переспросил он и, открыв окно машины, громко произнёс: – Полный бак!

Тут же возник крепко сколоченный паренёк со шлангом в руках и две сестры-близняшки в коротеньких юбочках. Сёстры синхронно размазали пену по стёклам и протёрли окна резинками.

– Есть что пожрать? – спросил Аркадий у парня.

– В ларьке пиво, сушёный минтай и чипсы.

– Дай деньги.

– Ты с ума сошёл! – звенел Бубен. – Зарплата только завтра, а ты уже бензоколонку скупаешь?!

– Проблемы в пути, – невозмутимо произнёс Аркадий, – и решаешь их ты.

– Ну да, ты прав, – процедил сквозь зубы Бубен, высовываясь в окошко с наличными, улыбаясь близняшкам.

– Бесстыдницы! – пропел он девочкам после того, как рассчитался с крепким пареньком. – Родители-то знают, чем их звёздочки зарабатывают?

Девчонки открыли рты от удивления.

– Ну вот, – надула губки одна, – опять без чаевых! Как две...

– Вот именно!

– ...дуры! – вместе закончили сёстры.

Машина неслась по пустынной приморской трассе. Под звуки парада оркестров дремал Бубен, а на заднем сидении при поворотах перекачивались дорожная сумка и баул с тубусом.

Бубен сунул спросонок руку под футболку, и рукоять парабеллума обнажилась.

– Алло! Гараж!!! – Аркадий ткнул локтем Сашку. – Ты нас на первом же посту спалишь! Сунь пушку в бардачок!

Бубен послушно открыл бардачок, из которого вывалились посадочные билеты на самолёт до Москвы и израильской авиакомпании Эль-Аль.

– Так, когда ты улетаешь? – он рассматривал билет.

– Не видишь? Двенадцатого.

– Ух ты! Это через три дня! Мы можем всё успеть! Поднажми-ка! – куражился Бубен.

Неожиданно стемнело. По ветровому стеклу забарабанили горошины града и крупные капли дождя.

– Давай переждём, – предлагает Аркадий, – дороги не видно.

– Какой – переждём?! Вперёд! Включай дальний свет – и поехали!

У перекрёстка их остановил дорожный инспектор и проверил водительское удостоверение.

– Будьте предельно внимательны, – возвращает права инспектор, и Аркадий с улыбкой сарказма наблюдает, как вложенная в документ десятидолларовая купюра исчезает в кармане инспекторского кителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.